ГЕРМАН

КАК
ЛЕЧИЛИСЬ
МОСК. ИЗДР

Д-ръ Ф. А. Германъ.

ф 1-72
10111

КАКЪ ЛѢЧИЛИСЬ

МОСКОВСКІЕ ЦАРИ

(МЕДИКО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

...ніе книгопродавца
Ф. А. ІОГАНСОНА
Кіевъ—Харьковъ

Дозволено цензурою. Кіевъ, 20 января 1895 г.

2007111626

КІЕВЪ.
Типографія И. Чоколова, М.-Житомирск., № 4.
1895.

I.

Профессіональные врачи, извѣстные западной Европѣ еще со временъ Римской имперіи, появились на Руси сравнительно поздно—только въ XV вѣкѣ, и въ началѣ лишь при дворѣ великихъ князей, въ обиходѣ которыхъ они составляли особаго рода роскошь. Приглашены они были съ Запада: московская Русь звала оттуда на службу великаго князя и архитектора, для украшенія великокняжескихъ палатъ, и живописца, и—на всякій случай—врача, этого мастера по ремонту человѣческаго тѣла, которое расшатывали разныя болѣзни. На врача возлагались заботы о здоровьи великаго князя и тѣхъ лицъ, лѣчить которыхъ приказы-

валъ ему великій князь. На врача и смотрѣли какъ на мастера—архитектора: какъ послѣдній долженъ былъ все поправлять и устраивать, такъ и первый долженъ былъ все излѣчивать.

Первый профессіональный врачъ появился въ Россіи при Іоаннѣ III, по всей вѣроятности, въ годъ женитьбы его на Софьѣ Палеологъ. Въ свитѣ, при прибытіи ея въ Москву, „мнози греци прійдоша, служаще царевиѣ"; навѣрное, между ними былъ и лейбъ-медикъ, составлявшій при западно-европейскихъ дворахъ необходимое лицо въ свитѣ всякаго короля и герцога. Это подтверждается и разсказомъ Ambrois Contarini, что онъ, во время своего путешествія изъ Венеціи въ Персію, по совѣту своего спутника Марка Руфа, назвался врачемъ великой княгини, чтобы пользоваться бо́льшимъ почетомъ *). До насъ до-

*) „Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи" т. I, Спб. 1836. „Путешествіе Амвросія Контарини", стр. 86.

шли свѣдѣнія о двухъ врачахъ, Антоніѣ и Леонѣ, жившихъ въ это время въ Москвѣ. О первомъ лѣтопись говоритъ:

„И того жъ лѣта врачъ нѣкій нѣмчинъ Антонъ (по мнѣнію Л. Змѣева, еврей Эренштейнъ) пріѣха къ великому князю (Іоанну Васильевичу), его же въ велицей чести держалъ великій князь: врачева же князя Каракуча, царевича Даньярова, да умори его смертнымъ зеліемъ за посмѣхъ. Князь же великій выдалъ его сыну Каракучеву, онъ же мучивъ его, хотѣ на окупъ дати. Князь же великій не повелѣ, но повелѣ его убити; они, сведше его на Москву-рѣку подъ мостъ зимою, и зарѣзали ножемъ, яко овцу. Тогда жъ и Аристотель (извѣстный архитекторъ), боясь того, началъ проситься у великаго князя въ свою землю. Князь же великій на него опалився, велѣлъ посадить подъ караулъ на Антоньевѣ дворѣ, иже за святымъ Лазаремъ, а имѣніе его на себя опи-

сать велѣлъ Государь". Таковъ былъ конецъ перваго врача на Руси *).

Не лучше была и судьба другого врача, Леона, по происхожденію еврея. „Въ 1490 г. Мануиловы дѣти (братъ Софіи Палеологъ, Андрей и племянники) Ралевы приведоша съ собою къ великому князю лѣкаря мастера Леона, жидовина изъ Вѣнецѣи, и иныхъ мастеръ..." **) То ижъ зимы (1490) месяца марта въ 7 день преставися благовѣрный и христолюбивый великій князь Иванъ, сынъ великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи старѣйшій, жилъ всѣхъ лѣтъ 32 и 20 дней, а болѣлъ камчюгою (ломотою) въ ногахъ. И видѣвъ лѣкарь жидовинъ мастеръ Леонъ, похваляясь рекъ къ великому князю Ивану Васильевичу отцу: я излѣчю

*) „Лѣтописецъ русской". Издалъ Н. Л. Спб. 1792, III, 185.

**) „Памятники дипломат. снош. древн. Россіи съ державами иностранными". Спб. 1851, т. I, 46.

сына твоего, великаго князя, отъ той болѣзни, а не излѣчю его азъ, и ты вели меня смертью казнити. И князь великій Иванъ Васильевичъ ияя въ вѣру рѣчемъ его, повелѣ ему лѣчити сына своего, великаго князя. И нача его лѣкарь лѣчити, зеліе пити даде ему, нача жещь стклянѣцями по тѣлу, вливая воду горячую, и отъ того ему тягчае бысть и умре. И того лѣкаря Леона велѣ князь великій Иванъ Васильевичъ поймати, и сорочинъ (въ сороковой день смерти) сына своего великій князь повелѣ казнити его, голову сѣчи и сѣкоша ему голову на Болвановой. Апрелѣ въ 23 день“ *).

Такъ трагически кончили два первые піонера медицинскаго сословія при дворѣ московскаго великаго князя. Здѣсь совершилось то, что было двумя вѣками раньше обыкновеннымъ явленіемъ въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ

*) Никн. VI, 125.

государствахъ, какъ, напр., въ Италіи, Германіи: и тамъ въ XII, XIII вѣкахъ обращались не лучше съ врачами, и тамъ имъ неоднократно выпадало на долю искупать цѣной собственной жизни смерть своихъ, даже и не вѣнценосныхъ, пацієнтовъ. Поэтому-то и выработался тамъ классъ странствующихъ врачей, кочевавшихъ съ мѣста на мѣсто и успѣвавшихъ скрыть слѣды своего пребыванія раньше, чѣмъ выяснились результаты ихъ терапевтическихъ пріемовъ и совѣтовъ. Этотъ обычай—производить кровавую расправу надъ врачемъ за неудачное лѣченіе—въ нѣкоторыхъ государствахъ былъ даже освященъ законодательствомъ. Такъ, напр., по законамъ вестъ-готовъ, которые въ VII вѣкѣ были составлены изъ древне-германскихъ и приняты во многихъ государствахъ (въ Испаніи до XII вѣка): „Врачъ, нанесшій вредъ кровопусканіемъ благородному лицу, платилъ штрафъ сто solidos. Въ случаѣ смерти боль-

ного, врачъ выдавался роднымъ умершаго, и они могли съ нимъ дѣлать что хотятъ. Если же кровопусканіемъ наносился вредъ рабу или онъ вслѣдствіе этого умиралъ, то врачъ долженъ былъ замѣнить его на свой счетъ другимъ рабомъ“ *). Кровавая расправа съ Леономъ могла быть, впрочемъ, результатомъ и политическихъ соображеній. Люди, недовольные Іоанномъ III и Софьею Палеологъ за новшества, упрекали ихъ въ отравѣ Іоанна Младого; чтобъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, великій князь могъ рѣшиться пожертвовать врачемъ, чтобы показать, что онъ съ нимъ не былъ солидаренъ и что онъ глубоко потрясенъ смертью сына. То же могло имѣть мѣсто и при смерти царевича Каракучи.

Послѣ описанныхъ неудачныхъ опытовъ съ иноземными врачами

*) I. T. Pyl „Repertorium für die oeffentliche und gerichtliche Arzeneiwissenschaft“ Berlin. 1789—93. Bd. III, 13—14.

прекращаются на нѣкоторое время всякія извѣстія о нихъ. Трудно рѣшить, была ли утрачена вѣра въ ихъ познанія или не было лицъ, желавшихъ рисковать своей жизнью. Второе болѣе вѣроятно, ибо извѣстно, что, послѣ казни Леона, въ августѣ 1490 г. было поручено посламъ къ „Кралю Римскому Максиміану, Юрію Трохаліоту греку и Василію Кулешину", просить, „чтобы король послалъ къ великому князю лѣкаря добраго, который бы вѣдомъ былъ на внутренныя болѣзни и на раны". По словамъ Павла Іовія, бывшаго въ то время въ Россіи, „философіею, астрономіею и другими науками, равно какъ и раціональною медициною, москвитяне не занимаются; должность врача исполняетъ у нихъ всякій, кто только имѣлъ случай испытать дѣйствіе какихъ-нибудь неизвѣстныхъ травъ" *). А въ дилетантахъ-врачахъ никогда и нигдѣ не чувствовался недостатокъ.

*) „Библіотека иностр. писат., и т. д." Т. I, „Путешествіе Павла Іовія", 47.

II.

Въ царствованіе Василія Іоанновича III было приглашено на службу государя нѣсколько врачей. Намъ, между прочимъ, извѣстна дѣятельность двухъ изъ нихъ, Николая Луева и Ософила, у кровати заболѣвшаго царя. Объ этомъ лѣтопись повѣствуетъ такъ: „1533 сентября, послѣ Сергіева дня предъ Покровомъ, явися (у великаго князя) мала болячка на лѣвой странѣ, на стегнѣ на сгибѣ съ булавочную головку, връху же у нея нѣсть, ни гною въ ней нѣсть же, а сама багрова". Въ теченіе нѣсколькихъ дней великій князь переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто: боль все время его безпокоила. „Наутрія же, въ поне-

дѣльникъ князь великій великою нужею дойде до мыльни и за столомъ сѣдѣ въ постельныхъ хоромѣхъ нужею (съ трудомъ)". На слѣдующій день великій князь охотился; черезъ два дня послѣ того ему стало хуже и „оттолѣ стола у него не бысть, но вкушающе мало на постелѣ (не было апетита, и онъ ѣлъ въ постели). И нача къ болѣзни своей призывати князя Михаила Львовича Глинскаго; а къ Москвѣославъ (вел. князь заболѣлъ въ Колпѣ) вскорѣ по дохторовъ своихъ, по Миколая по Булева да по Фефила. И Миколай и Фефилъ пріѣхаша и по совѣту со княземъ Михаиломъ со Львовичемъ начаша прикладывати къ болячкѣ муку пшеничную съ медомъ прѣснымъ и лукъ печеной; отъ того болячка нача рдѣтися (краснѣть). Они же начаша болѣ прикладывати и учинися на болячкѣ аки прыщь малъ, и появися въ ней мало гною (и черезъ 2 недѣли изъ Колпы понесли вел. кн. на Волокъ

на носилкахъ)... А изъ болячки мало гною изсякаючи, врѣху же у нея нѣсть, рана же у нее, аки иглою уткнута, а не прибудетъ ея, ни убудетъ. И повелѣ князь же великій прикладывати мазь къ болячкѣ и нача изъ болячки итти гной по малу и послику больше, яко до полутаза и по тазу... И тогда же въ грудехъ ему бысть тягость и того ради взяша горошки и сѣмянники *) и съ той процесе ему на низъ, а болѣзнь его тяжка; и послѣ того, порушися ему ѣства не нача ѣсти.... И тогда же... выйде изъ болячки гною яко болѣе таза и выйде изъ нее стержень болѣе полуторы пяди, но еще не весь стержень выйде (повидимому, болѣзнь была—карбункулъ съ послѣдующимъ пораженіемъ тазобедреннаго сустава) изъ него. Князь же великій о томъ обвеселился, чая болѣзни своея облегче-

*) У Рихтера „Исторія медицины въ Россіи", I, 273, „Горошки сѣмянники".

нія. И тогда же посла къ Москвѣ по гетмана своего по Яна Малого. Янъ же вскорѣ пріиде и нача прикладывати къ болячкѣ масть обычную. Отъ Яновы же масти мало отокъ поляже (гнойный отекъ мало уменьшился)... поѣха (15 ноября) въ кантанѣ. И не исхождаше отъ постели не мало (не вставалъ съ постели), но пребываше на постели и обращаху его со страны на страну (переворачивали его съ боку на бокъ), понеже изнеможе отъ зельные (сильной) болѣзни и брашна мало вкушаше.... и бысть на Воробьевѣ (близъ Москвы) два дни отъ болѣзни зельныя стража и изнемогающе. (Пріѣхавъ въ Москву) князь же велики вельми скорбяще и изнемогающе, болѣзни же своей не чуяше, а раны у него не пребываше (не увеличивалась), токмо духъ отъ нея тяжекъ (дурной запахъ). И призва (бояръ и близкихъ) и дохтуровъ своихъ Николая Булева да Фефила, чтобы прикладывати къ болячкѣ масть или бы

нѣчто пустити въ рану, чтобы отъ нея духу не было. И нача ему говорити боярин его Михайло Юрьевичъ, тѣшачи государя: „Государь князь великій, чтобы водки паряднти и въ рану пущати... и вытамити ино, Г., вѣдячи тебя гря такова истомла; чтобы спустити съ день или съ два, чтобы было, Г., мало болѣзни твоей облегченіе, ино бы тогда водки пустити. Князь же вел. призва Николая Булева и нача ему говорити: Брате Миколае! видѣлъ еси мое великое жалованье къ себѣ, можно ли тебѣ что сотворити, масть или иное что, чтобы облегченіе болѣзни моей? Миколай же отвѣща: Великій князе! видѣлъ есми, Государь, къ себѣ твое государево жалованье великое: аще можно, тѣло бы свое раздробилъ тебя ради, аще бы можно... но моя мысль не имѣть, опричь Божіей помощи. Князь же великій отвратися и нача говорити дѣтямъ боярскимъ и стряпчимъ своимъ: „Братіе! гораздо Миколай надо мною

позналъ мою болѣзнь, нѣчто неспособная (неизлѣчимая).... Князь же вкуси единые миндальные каши мало... не нача языкомъ изглаголывати; и тогда рука его правая не начать подыматися (параличъ)... и преставися 4-го декабря" *).

Мы видимъ, насколько измѣнились за это время нравы: за смерть государя, наступившую несмотря на старанія врачей, имъ уже не угрожала смертная казнь. Но эти врачи дѣйствуютъ подъ контролемъ ближняго боярина, который даже беретъ на себя инициативу примѣненія того или другого лѣкарства, и на ряду съ врачами примѣняетъ и свою „мазь" какой-то „гетманъ Янъ Малый".

Въ эту эпоху врачи еще не допускались къ лѣченію царицъ и дѣтей ихъ; послѣднія проводили свою жизнь въ терему, и съ ихъ недугами справлялись своими сред-

*) „Полн. собр. рус. лѣтоп." VI, 267—272.

ствами мамушки и боярыни, примѣняя терапію, выработанную долголѣтнимъ эмпиризмомъ терема. На это указываетъ слѣдующій отрывокъ изъ письма вел. кн. Василія Іоанновича къ женѣ его, вел. кн. Еленѣ, по поводу болѣзни сына Іоанна (у него была опухоль шейныхъ железъ: „И со княгинями бы и съ боярынями поговорила, что такова у Ивана сына явилося, и живетъ ли таково у дѣтей, и бы ихъ выпросила (распросила), да и впередъ какъ чаютъ, чего ожидаютъ въ будущемъ, и что про то ихъ промыслъ, чтобъ мнѣ и о томъ вѣдомо было". Изъ другихъ его же писемъ видно, что обычнымъ терапевтическимъ пріемомъ при разнообразныхъ дѣтскихъ болѣзняхъ было „парить въ корытѣ проскурнякомъ" *).

Въ штатѣ великой княгини находились особыя „комнатныя ба-

*) „Письма русскихъ государей" М. 1848, I, 8.

бы"—это были собственно лѣкарки и поступали во дворецъ изъ „принимальныхъ" или повивальныхъ бабокъ, оставаясь здѣсь, по всему вѣроятію, послѣ каждыхъ родинъ при комнатѣ ребенка, котораго онѣ повивали или принимали *). Нерѣдко, впрочемъ, прибѣгали, въ случаѣ какой-нибудь нужды, къ „бабамъ" и не изъ штата вел. княгини, но великіе князья смотрѣли на это далеко не благосклонно. Такъ, извѣстно, что въ 1498 году „опалу положилъ князь великій на жену свою на великую княгиню Софью о томъ, что къ ней приходила бабы съ зельемъ; обыскавъ тѣхъ бабъ лихъ, повелѣ потопити" **). Главный спросъ былъ на зелья для „любовныхъ напитковъ" и противъ безплодія. Жена, напр., вел. кн. Василія Ивановича, Соломонія, будучи безплодной, обратилась за

*) Забѣлинъ „Домашн. бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст." М. 1872, 517

**) „П. с. р. л." VI, 279.

помощью къ какой-то, пользовавшейся, видно, громкой репутаціей, Стефанидѣ. Результатомъ этого было постриженіе Соломоніи, подъ именемъ Софьи, въ монахини: безплодіе ея облекли въ тяжкую немощь, чуть ли не въ постыдную болѣзнь *).

*) „Акты истор." I, 192.

III.

Въ царствованіе Іоанна Грознаго было приглашаемо немало врачей изъ западной Европы; такъ, одинъ Слитте (Slitte) въ Германіи пригласилъ на царскую службу 4 врачей, 4 антекарей, 2 операторовъ, 8 цырюльниковъ и 8 подлѣкарей *); большинство же лицъ врачебнаго персонала было присылаемо, по просьбѣ русскаго царя, англійскимъ королемъ Филиппомъ и королевой Маріей. Такъ, въ 1557 г. ими было прислано „мастеровъ многихъ, дохтуровъ, гораздыхъ различнымъ дѣ-

*) Карамзинъ, VIII, прим. 206 и A. Turgenev „Historica Russiae Monumenta“ Petropoli, 1841, I, 190.

ланіемъ, и искатели злату и серебру" *) вмѣстѣ съ посломъ Дженкинсономъ (Anthony Jenkinson) и Осипомъ Григорьевичемъ Нашѣевъ. Въ числѣ этихъ „дохтуровъ" былъ Стэндишъ, удостоившійся при пріемѣ получить отъ царя „соболью шубу, крытую травчатымъ бархатомъ, и 70 руб." **); онъ неоднократно былъ приглашаемъ къ царскому столу***). Извѣстно также имя другого врача, Ричарда Элмса, который позже въ чемъ-то провинился и, по ходатайству посла Іеронима Боуса, былъ помилованъ ****).

Королева Елизавета въ 1581 г. прислала съ Горсеемъ, по просьбѣ царя Іоанна IV, доктора Роберта Якова (который именуется въ историческихъ памятникахъ того вре-

*) Рихтеръ, l. c. 209.

**) „Извѣстія англичанъ о Россіи во второй половинѣ XVI в.", стр. 15, 16 въ „Чтен. въ общ. ист. и др. вн. рос." 1884, т. IV.

***) Гамель. „Англичане въ Россіи въ XVI и XVII стол." Спб., 1865, стр. 67 и 68

****) Рихтеръ, l. c. 202.

мени то Романомъ, то Романомъ Елизарьевичемъ), съ аптекаремъ и фельдшерами. Это былъ человѣкъ, пользовавшійся у себя на родинѣ хорошей репутаціей, и въ своихъ письмахъ Елизавета отзывается о немъ весьма тепло. Такъ, въ письмѣ отъ 19 мая 1581 г. сказано: „такъ съ грамотъ твоихъ русскихъ писанныхъ и словъ твоихъ, что еси къ намъ приказывалъ, что тебѣ надобенъ научный и промышленный человѣкъ о здоровьѣ твоемъ; и я не хотѣла того оставити, чтобъ мнѣ къ тебѣ не послати изъ своихъ дворовыхъ докторовъ отъ лѣкарства честного и научного человѣка; и знатного послала есми къ тебѣ Роберта Якова, доктора въ лѣкарѣхъ, мужа научепнаго паукѣ въ докторской прямова и честнова, не того для, что онъ здѣся былъ не надобенъ, а что онъ тебѣ надобенъ. И мы тѣмъ къ тебѣ дружбу показали, его къ тебѣ послали; и ты бъ его своею милостию и честию принялъ, о томъ челомъ бьемъ;

упованье прямое на него положи, и начайся (надѣйся) на немъ. А что съ собою приведъ обтокарей и барберовъ, людей честныхъ и къ дѣлу добрѣ годныхъ; а ихъ семи послали неволею для твоей просьбы, а себя семя ими оскудили, а о томъ челомъ бьемъ вельми, чтобы ты ихъ милостиво принялъ и ихъ жаловалъ и чтилъ для того, что они отъ насъ посланы, чтобъ они ни въ чемъ скудны не были и тебѣ вѣрно служили и т. д." *).

Независимо отъ писемъ, королева и на словахъ просила царя, чрезъословъ, заботиться объ англійскихъ врачахъ и при пріемѣ русскихъ ословъ „учала говорити о дохторѣ о Романѣ: писалъ де государь нашъ ко мнѣ о дохторѣ, и я де по его любви послала къ нему изъ своихъ дворовыхъ дохторовъ досужего дохтора Романа; а онъ здѣсь моимъ жалованьемъ убогъ

*) Рихтеръ, I, 309 и „Сборникъ рус. истор. общ." т. 38 (1883), стр. 1—2.

и нуженъ ничѣмъ не былъ, послала есми его любячи брата своего, а вашего государя. И вы де тѣ мои рѣчи донесите до государя своего, чтобъ онъ его для меня жаловалъ, а онъ бы на меня не плакалъ, а мнѣ бы въ томъ отъ Бога грѣха не было". А послы говорили: „Мы тѣ твои рѣчи до государя своего сказывали, что онъ и всѣ аптекари, которые съ нимъ пріѣхали, у государя нашего пожалованы всѣмъ довольно" *).

Королева и послѣ отъѣзда врачей въ Россію не переставала заботиться о нихъ; такъ, въ маѣ 1582 года въ памятной запискѣ, о чемъ королева должна была спрашивать при пріемѣ русскихъ пословъ, замѣчено: „Спросить о здоровьи царя и его сыновей: на это будетъ отвѣчено, что одинъ изъ нихъ умеръ (Иванъ). Благоволитъ ея величество воспользоваться случаемъ спросить при этомъ, гдѣ

*) „Сборн. русск. истор. общ" т. 38, 57

былъ во время болѣзни этого сына докторъ Якоби, ея лѣкарь, котораго она рекомендовала царю, и какъ могло случиться, что онъ не былъ ранѣе допущенъ въ присутствіе царя; такъ какъ, по великому его искусству въ его наукѣ, можно предполагать, что онъ спасъ бы сказаннаго царскаго сына" *).

Затѣмъ, 8 іюня 1583 года королева опять писала „сверхъ того, такъ какъ посланный нами къ вамъ въ прошломъ году врачъ Робертъ Якоби весьма нами любимъ, мы просимъ васъ обходиться съ нимъ какъ добрые государи обходятся съ лицомъ испытаннымъ и стяжавшимъ чрезвычайныя похвалы за многія свои добрыя качества. Никогда бы не отпустили мы его отъ себя, если бы не жертвовали многимъ ради нашей дружбы и желанія угодить вашему В—у. Пребывая въ этомъ доброжелатель-

*) Юрій Толстой „Россія и Англія". Спб 1875 стр. 198.

ствѣ къ вашему В—ву, мы можемъ лишь ожидать всего лучшаго отъ вашего благорасположенія къ сказанному Якобію“ *). Каждая просьба Елизаветы о Якоби совпадала съ тѣмъ періодомъ, когда усиливались казни и пытки и все окружавшее Іоанна трепетало за свою жизнь. Якоби, вѣроятно, не разъ писалъ въ Англію, прося высокаго покровительства королевы, чтобы хотя въ этомъ имѣть гарантію за цѣлость своей головы.

Съ этихъ поръ вошло въ обычай требовать отъ вновь прибывавшихъ врачей рекомендательныхъ писемъ или аттестатовъ, безъ чего они не принимались на службу и даже не допускались въ предѣлы государства.

Іоаннъ относился къ врачамъ очень хорошо; намъ извѣстно, со словъ князя Курбскаго, что „Анце убо дохтуру своему именемъ Ар-

*) Юрій Толстой, l. c., стр. 228, письмо отъ 19 іюня.

нольфу итальянину великую любовь всегда показываше"; Арнольфъ Линзей былъ превосходный врачъ и математикъ, онъ во всю свою жизнь пользовался особымъ расположеніемъ царя и погибъ въ 1571 г. во время пожара Москвы. До чего простиралось расположеніе царя къ Роберту Якоби, видно изъ того, что онъ игралъ довольно видную роль въ сватовствѣ Грознаго на леди Мери Гастингсъ, дочери графа Гунтингтона, племянницѣ королевы Елизаветы. Онъ по этому поводу неоднократно бесѣдовалъ съ царемъ, который даже поручилъ Богдану Бѣльскому, Афанасію Нагому и Андрею Щелкалову „по тою дѣвку дохтора Романа разспросить подлинно". Посольство, которое было отправлено въ Англію въ этихъ матримоніальныхъ цѣляхъ, везло письмо д—ра Якова къ королевѣ Елизаветѣ. Онъ устроилъ даже аудіенцію Іерониму Боусу у царя, котораго тотъ, въ виду этикета, не желалъ принять. Принявъ его, на-

конецъ, царь сказалъ: „Говорилъ мнѣ дохторъ Романъ, что хотѣлъ еси съ нами говорити наединѣ, и за тобою что дѣло говори, которой за тобою приказъ отъ Елисаветъ королевны“ *).

Вообще, докторъ Яковъ игралъ не только не малую политическую роль, но вмѣшивался въ религіозные вопросы; такъ, онъ и проповѣдникъ Коль (Coll), по порученію посла Іеронима Боуса, изложили письменно тезисы англійской вѣры, „царь, наградивъ щедро авторовъ: приказалъ прочесть тезисы публично предъ многими изъ своей думы и знати“ **). Несмотря на все это, царь Іоаннъ IV лѣкарства изъ рукъ врачей не принималъ, оно подносилось ему ближнимъ боярином, и это считалось гарантіей, что оно

*) „Сбор. русск. истор. общ.“ т. 38. 24. 112.

**) Цвѣтаевъ, Дм. „Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій“. М. 1890. 579.

не заключаетъ въ себѣ отравы. *).

Но эти врачи, какъ люди чуждые окружающимъ цари и по національности, и по религіознымъ воззрѣніямъ и обычаямъ, не пользовались особымъ расположеніемъ бояръ и народа. Въ эпоху казней имъ приписывалось дурное вліяніе на царя; особенно худую славу по себѣ оставилъ докторъ Елисей Бомелій, про котораго лѣтопись говоритъ: „а къ нему прислала нѣмчина лютого волхва царицаемаго Елисея, и быть ему любимъ, въ приближеніи. И положи на царя страхованіе и выбѣглецъ отъ невѣрныхъ нахожденія, и канечнѣ былъ отвель царя отъ вѣры: на русскихъ людей царю возложи свирѣпство, а къ нѣмцамъ на любовь преложи. Понеже безбожніи узнали своими гаданіи, что было имъ до конца разореными быти, того ради таковаго злаго еретика и прислаша

*) Guagninus въ „Rer. Mosc. Auct. Varii“. Francofurti, MDC, pag. 193. Рихтеръ l. c. I, 286.

къ всему, понеже русскіе люди прелестни и падки на волхованіе, и много множества роду боярскаго и княжска изусти убити цареви, послѣди же и самого приведе наконецъ еже бѣжати въ Англійскую землю и тамо жешитися, а свои было бояре оставшіе побити. Того ради и не дана ему тако сотворити, но самого смерти предана, да не до конца будетъ русское царство разорено и вѣра христіанская *).

Въ этихъ словахъ лѣтописца выразилось возрѣніе тогдашняго общества на врача какъ на чародѣя, —взглядъ, который раздѣлялъ такой для своей эпохи весьма даже просвѣщенный человѣкъ, какъ Іоаннъ IV. Близкіе люди царя приписывали все то злое, что творилъ онъ, вліянію этого иноземца врача-чародѣя, какъ наболѣе приближеннаго и фаворита Іоанна, и дѣлали его отвѣтственнымъ за нѣкоторое

*) „U. c. p." IV, 318.

религіозное вольнодумство царя, и поэтому была даже пущена въ ходъ противъ Бомелія интересная для характеристики той эпохи полемическая „Повѣсть нѣкоего Боголюбива мужа, списана при Макарьѣ митрополитѣ царю и велпкому князю Ивану Васильевичу всей Руси, да сіе вѣдяще, не впадете во злыя сѣти и безаконія отъялыхъ и прельщеныхъ человѣкъ и губительныхъ волковъ, нещадяще души, ей же весь миръ не достоинъ, прочетше же сие человѣцы, убойтесь чары и волхованія, творяте скверная Богу и грубая и мерская и проклятая дѣла“ *). Бомелій былъ родомъ голландецъ, и, по свидѣтельству Таубе и Крузе, это былъ негодяй, подучавшій Іоанна на убійства и составлявшій отравы, отъ которыхъ несчастные погибали въ назначенную Грознымъ минуту **),

*) „Москвитянинъ“ 1844, I, 246—приведена эта повѣсть.

**) Zar Iwan der Grausame. Sendschreiben

но потомъ, обвиненный въ сношеніяхъ съ Баторіемъ, сожженъ всенародно въ Москвѣ.

Вѣря въ достовѣрность иностранныхъ источниковъ, все же надо допустить, что много въ обвиненіяхъ противъ Елисея Бомелія и преувеличеннаго. Самъ Горсей говоритъ, что Бомелій „былъ всегда врагомъ англичанъ", а большинство источниковъ—англійскіе; понятно, что они отнеслись къ Бомелію тоже недружелюбно, и достовѣрность-же фактовъ, сообщаемыхъ Таубе и Круле, и освѣщеніе ихъ давно заподозрѣны. Многихъ ужасно соблазняла параллель между Іоанномъ Грознымъ и Людовикомъ XI, а потому, вѣроятно, не жалѣли красокъ и при характеристикѣ Елисея Бомелія, чтобъ уподобить его брадобрѣю Оливье-Дьяволу, тѣмъ

an Gothard Kettler Herzog zu Kurland und Semgallen von Johan Taube und Ebert Kruse 1572", въ „Beitrage fur Kenntniss Rus-lands und seiner Geschichte von G. Evers und M. Eichhardt". Dorpat, 1816. Bl. I, 230.

болѣе, что въ лицѣ Малюты Скуратова былъ ужъ свой Тристанъ-отшельникъ.

Безпристрастныя же свидѣтельства доказываютъ, что Бомелій былъ весьма образованный человѣкъ; онъ учился медицинѣ въ Кембриджѣ и слылъ тамъ за искуснаго астролога и превосходнаго математика. Въ Лондонѣ народъ стекался къ нему какъ къ колдуну: были его почитатели и изъ знати. Свои астрологическія бредни онъ изложилъ въ особомъ сочиненіи: „De utilitate astrologiae". Обвиненный въ богохульствѣ, онъ, по распоряженію архіепископа Мешью Паркеръ, былъ брошенъ въ тюрьму, откуда обѣщали его освободить лишь подъ условіемъ, что онъ покинетъ Англію. Въ 1570 году привезъ его въ Москву русскій посолъ Савинъ *). Іоаннъ приблизилъ его къ себѣ и занимался съ Бомеліемъ астрологіей и алхимическими опы-

*) Гамель, l. c. 99.

тами. О нихъ онъ вспомнилъ и передъ смертью, когда совѣщался съ волхвами, которые были собраны въ Россіи, въ числѣ 60 человѣкъ, по случаю появленія кометы, и которые, по словамъ лѣтописцевъ, вѣрно предсказали день смерти царя, и когда онъ искалъ спасенія въ грудахъ драгоцѣнныхъ камней.

Горсей живо рисуетъ эту картину смерти Грознаго, занятаго своими драгоцѣнностями. „Вы вѣдь, говорилъ умирающій, знаете великое и сокровенное свойство магнита: безъ него нельзя плавать по морямъ, окружающимъ свѣтъ, ни узнавать предѣлы земные. Стальной гробъ персидскаго лжепророка Магомета чудеснымъ образомъ виситъ на магнитѣ Дербентской мечети". Онъ приказалъ принести булавокъ, которыя, будучи тронуты магнитомъ, повисли цѣпью одна къ другой. „Посмотрите на этотъ чудесный кораллъ и на эту прекрасную бирюзу, возьмите ихъ, они сохраняютъ природную яркость своего

цвѣта, положите ихъ теперь ко мнѣ на руку: я зараженъ—смотрите, какъ они тускнѣютъ. Это предвѣстіе моей смерти. Принесите мой царскій посохъ. Это рогъ единорога, оправленный восьма красивыми алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами и другими драгоцѣнными камнями большой цѣны. Я заплатилъ за этотъ посохъ 70 тысячъ рублей. Мнѣ его досталъ отъ аугсбургскихъ купцовъ Давидъ Гоуеръ. Принесите пауковъ". Онъ приказалъ своему врачу Ивану Лофу (Johannes Lloff) очертить посохомъ кругъ на столѣ; всѣ впущенные въ кругъ пауки издыхали одинъ за другимъ, находившіеся внѣ круга немедленно бѣжали отъ него прочь. „Поздно: этому посоху уже не спасти меня. Смотрите на эти драгоцѣнные камни. Вотъ алмазъ блескомъ дороже и цѣннѣе всѣхъ прочихъ. Лошадь, не то что человѣкъ, умретъ отъ малѣйшей частицы его, истолченной въ порошокъ и данной въ питьѣ. Вотъ ру-

бинъ: онъ врачуетъ сердце, мозгъ, силу и память человѣка, очищаетъ сгущенную и испорченную кровь. Изумрудъ одного свойства съ радугой, онъ не терпитъ нечистоты, онъ лопается при удовлетвореніи преступныхъ похотей. Испытайте сами. Я очень люблю сапфиръ: онъ хранитъ и усугубляетъ мужество, веселитъ сердце, радуетъ всѣ чувства и особенно превосходенъ для зрѣнія: онъ очищаетъ глаза, уничтожаетъ въ нихъ кровяныя пятна, укрѣпляетъ ихъ мускулы и нервы". Потомъ, взявъ въ руку опикъ, онъ говорилъ: „Всѣ эти камни суть дивные дары Божіи, тайны природы, доступныя, однако жъ, созерцанію человѣка, который можетъ употреблять ихъ на свою пользу; они пріязненны красотѣ и добродѣтели и враждебны пороку. Мнѣ дурно... вынесите меня отсюда... до другого времени..." *) Въ этихъ словахъ

*) Юрій Толстой, „Сказаніе англичанина Горсея", „Отеч. Зап." 1859, IX, 113.

выражена вся алхимическая мудрость того вѣка; это своего рода profession de foi Грознаго-алхимика. Въ тотъ же день скончался царь, несмотря на всѣ мѣры, которыя были приняты его врачами.

Царь Іоаннъ неоднократно болѣлъ; такъ, извѣстно, что онъ болѣлъ тифомъ. Лѣтописецъ такъ описываетъ этотъ недугъ: „болѣзнь горячками называется, а у иныхъ огневою („огнь велій"). Понеже бо человѣкъ въ той болѣзни что огнь горитъ, подобно тому, какъ которая храмина горитъ, а близь тое ивая стоитъ: такъ отъ того огня загорается" *). Герберштейнъ говоритъ, что „она поражаетъ голову и внутренности и весьма похожа на заразу; она называется у нихъ калоромъ и отъ нея умираютъ въ нѣсколько дней" **). Во время этой болѣзни, по словамъ Флетшера, Іо-

*) Зѣевъ, Д. „Былое врачебной Россіи". Спб. 1890, стр. 26.

**) Герберштейнъ. „Записки о Московіи" пер. Анонимова. Спб 1866, 98.

ашу былъ съ терапевтической цѣлью назначаемъ мѣшокъ живыхъ блохъ. Москвичи не успѣли во-время собрать это количество и за то были обложены денежной пеней въ 7 тысячъ рублей *). Какъ было примѣняемо это лѣкарство, намъ неизвѣстно. Въ послѣдніе годы жизни царь страдалъ „какой-то страшной болѣзнью". Какое-то гніеніе внутри: отъ него исходилъ отвратительный запахъ; тѣло его покрывалось волдырями и ранами **). Эта „какая-то страшная болѣзнь" была, по всѣмъ вѣроятіямъ, Lues. Царь страшно страдалъ физически и душевно. Онъ

*) Юрій Толстой. „Флетшеръ и его книга" „Библ. для Чтенія" 1860 г. № 1, 38

**) Мы не касаемся здѣсь психическаго состоянія Іоанна Грознаго, но считаемъ нужнымъ указать, что проф. П. И. Ковалевскій, въ своей монографіи „Царь Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе", Харьковъ, 1893, на основаніи своихъ изслѣдованій, приходитъ къ заключенію что у Іоанна была „paranoia"; проф. И. А. Чистовичъ, въ своей работѣ „Душевная болѣзнь царя Ивана IV Васильевича Грознаго", Спб., 1883, діагносцируетъ у царя „mania furibunda".

искалъ спасенія и въ дѣлахъ благотворенія, и въ святой молитвѣ, и у знахарей и знахарокъ, и у своихъ иноземныхъ заморскихъ врачей. Тщетно врачи расточали надъ нимъ все свое искусство—не только исцѣленія, но и облегченія не было: особенно преданно ухаживалъ за нимъ его врачъ Эйлоффъ, который, по словамъ официальныхъ документовъ, нѣсколько разъ на день „ежедневно видѣлъ царскія очи“ *).

Laville взводитъ голословно на этого врача обвиненіе въ отравленіи Грознаго *). 17 Марта 1584 г. въ 3 часа дня царь отправился въ баню, тамъ его тѣшили пѣснями. Послѣ бани царь чувствовалъ себя свѣжѣе. Его усадили на постели; сверхъ бѣлья на немъ былъ пирокій халатъ. Онъ велѣлъ подать

*) Busching, A. F. „Magasin fur die Neue Historie und Geografie“. Hamburg, 1769, Bd. VII, 306.

*) Massae Isaaki „Chronicon“. въ „Rerum Rossicorum Scriptores Exteri“. Petropoli, 1868, t. II, 17.

шахматы, самъ сталъ разставлять ихъ, никакъ не могъ поставить шахматнаго короля на свое мѣсто, и въ это время упалъ. Поднялся крикъ; кто бѣжалъ за водкой, кто за розовой водой, кто за врачами и духовенствомъ. Явились врачи съ своими снадобьями, начали растирать его; явился митрополитъ и наскоро совершилъ обрядъ постриженія, нарекая Іоанна Іоною. Но Царь уже былъ бездыханенъ.

Придворные врачи Іоанна не имѣли права посѣщать больныхъ безъ его разрѣшенія, самъ же онъ неоднократно посылалъ ихъ къ больнымъ боярамъ; такъ, ранивъ постельника князя Гвоздева, онъ послалъ за докторомъ Арнольфомъ и приказалъ ему отправиться для оказанія помощи Гвоздеву. Докторъ нашелъ его мертвымъ и, возвратясь, сказалъ: „Царь и великій князь, будь лишь ты здравъ, а тотъ уже перешелъ отъ живни къ смерти; Богъ и ты, великій государь, могли

умертвить его, я же воскресить его не въ силахъ" *).

Первые доктора должны были сами приготовлять и медикаменты, лѣкарственныя вещества же пріобрѣтались въ рядахъ сѣменныхъ, овощныхъ, зеленныхъ, медовыхъ, соляныхъ и т. п. Еще до пріѣзда англійскихъ аптекарей, у насъ были и заходившіе изъ Литвы; такъ, извѣстенъ „аптекарь литвининъ Матюшка"—одинъ изъ видныхъ дѣятелей въ ереси Башкина. Съ пріѣздомъ же Джемса Фрейгама (1581), была устроена въ Россіи первая аптека, но исключительно для нуждъ царскаго дома. Ею завѣдывалъ кто-нибудь изъ ближнихъ бояръ.

Весьма любопытно, что отъ этой-же эпохи дошло до насъ извѣстіе и о русскомъ врачѣ-самоучкѣ. То былъ пермскій торговый человѣкъ Строгановъ, считавшійся „искус-

*) Guagninus, l. c., p. 188. См также Петра Петрея „Описаніе великаго княжества Русскаго", въ пер. А. Шемякина. М. 1867, 153.

нымъ въ лѣченіи недуговъ". Онъ залѣчивалъ раны, нанесенныя Грознымъ царемъ своему любимцу Борису Годунову. Царь лично осматривалъ „завороты", сдѣланные Строгановымъ на ранахъ своего пацієнта, одобрилъ его искусство, и въ воздаяніе за него пожаловалъ Строганова званіемъ „гостя", разрѣшивъ ему писать свое отчество „вичемъ", что считалось въ ту пору большимъ отличіемъ *).

*) Хаыковъ. „Медицинская полиція въ Россіи", стр. 352 „Журн. мин. внутр. дѣлъ". 1859 г., т 33.

IV.

Въ 1584 году на престолъ взошелъ царь Ѳеодоръ Ивановичъ. Это былъ человѣкъ небольшого роста, опухлый, съ блѣднымъ лицомъ, болѣзненный. Жена его, царица Ирина, была сестра Бориса Годунова. Бракъ этотъ былъ бездѣтнымъ, и это обстоятельство послужило поводомъ къ тому, что царскій шуринъ, всемогущій Годуновъ, началъ хлопотать о возвращеніи обратно въ Москву знаменитаго акушера Роберта Якова, бывшаго врача Іоанна. Порученіе это возложилъ онъ на англичанина Еремѣя Горсея. Сохранилась слѣдующая записка Бориса Годунова къ Горсею: „Достопочтенному другу мо-

ему, Еремѣю Виліамовичу. Будь ты, мой добрый Еремѣй, здоровъ и благополученъ, и дай Богъ намъ опять тебя видѣть здѣсь въ здравіи и безопасности: за мое здоровье буди хвала Богу! Относительно того дѣла, о коемъ мы въ послѣдній разъ совѣщались въ Троицынъ день, мы не сомнѣваемся, что ты хорошо о немъ позаботишься и разсудительно поступишь относительно Роберта (доктора Якова), такъ, чтобы, если онъ пріѣдетъ, то пріѣзжалъ бы запасшись всѣмъ нужнымъ, о чемъ ты и долженъ его продувѣдомить. О томъ, что я по этому предмету думаю и чего желаю, я посылаю тебѣ особенную записку черезъ Ивана Волкова (конюшій Годунова), черезъ котораго ты также получишь отъ меня въ поминокъ сорокъ соболей, тебѣ на шитье шубы. И отъ меня тебѣ, Виліамовичъ, низкій поклонъ" *). Что это за порученіе было, мы узнаемъ изъ

*) Юрій Толстой, l. c., 250.

записокъ самого Горсея: „Я потратилъ много времени, спрашивая у ученыхъ врачей оксфордскихъ, кембриджскихъ и лондонскихъ ихъ мнѣній и наставленій для царицы Ирины въ ея трудныхъ обстоятельствахъ. *Ѳоръ консептион анд проператион ов чилдренъ*“ (при зачатіи и рожденіи дѣтей, т. е. во время беременности и при родахъ. Горсей употреблялъ въ этихъ словахъ русскія буквы, чтобы скрыть это содержаніе записокъ отъ любопытныхъ). „Она вышла замужъ семь лѣтъ назадъ и часто *консейвед* (бывала беременна). Спрашивалъ вмѣстѣ и о нѣкоторыхъ другихъ брачныхъ обстоятельствахъ, на что былъ уполномоченъ секретно“ *).

Но Горсей не ограничился одними разспросами, а докладывалъ королевѣ Елизаветѣ, что Ѳедоръ

*) „The Travels of sir Jerome Horsey“ въ „Russia at the close of the Sixteenth Century“. London, the Hakluyt Society, 1865, p. 25

Іоанновичъ поручилъ ему просить ея величество приказать найти хорошую англійскую повивальную бабку, „докторицу искусную во врачеваніи женскихъ болѣзней и безчадія“, для супруги его, Ирины Оеодоровны. Бабка была найдена и отправлена съ Горсеемъ въ Россію, при письмѣ королевы Елизаветы. Отправился съ ними во второй разъ въ Россію и докторъ Робертъ Яковъ. При переводѣ этого письма какъ будто нарочно опущено мѣсто о повивальной бабкѣ; въ русскомъ переводѣ говорится только о докторѣ Робертѣ Яковѣ, котораго Елизавета вновь рекомендуетъ царицѣ Ирипѣ, какъ „прямого доктора, каковъ онъ есть, женскія болѣзни всякія знаетъ и родильныя болѣзни всякія лѣчитъ, и насъ въ нашихъ болѣзняхъ тотъ же Яковъ лѣчилъ, и мы его къ вамъ приказываемъ, а онъ прежъ сего вамъ знаемъ и вѣренъ и своимъ разумомъ въ докторствѣ лучше иныхъ бабъ и вашему здравью

учнетъ служити вѣрно“ *). А между тѣмъ въ латинскомъ подлинникѣ этого письма значится: „Itaque non solum (quod nobis amanter petit) obstetricem expertam et peritam missimus quae partus dolores scientia leniat sed medicum, etc...“ **). Вѣроятно, этотъ пропускъ въ переводѣ былъ сдѣланъ по распоряженію Годунова, которому, можетъ быть, непріятно было прибытіе искусной акушерки для его сестры - царицы. Письмо это было передано царю Горсеемъ, а другое —Борису Годунову, въ которомъ Елисавета писала ему... „А о Яковѣ дохтурѣ и лѣкарѣ славномъ наипресвѣтлѣйшему царю и наипресвѣтлѣйшей царицѣ сестрѣ вашей слово замолте и будьте печальникомъ, чтобъ онъ не забылъ госу-

*) Рихтеръ, l. c., I, 405. „Сборникъ рус. Имп. истор. общ.“, т. 38, 175.

**). Гамель, „Англичане въ Россіи въ XVI и XVII ст.“. Спб., 1865, 115.

скаго жалованья къ себѣ прежняго, назадъ поѣхалъ“ *).

Результатъ этихъ писемъ былъ слѣдующій: „царь Осдоръ Іапновичъ велѣлъ Кургану Салтыкову встрѣтить съ честью доктора Романа и проводить его до Москвы, а ѣдущую съ нимъ и докторицу оставить“ либо въ Вологдѣ, либо въ Ярославлѣ, смотря по тому, гдѣ онъ встрѣтитъ англичанъ: по ту или по сю сторону Вологды.

Курганъ Салтыковъ засталъ доктора Якова въ Вологдѣ, гдѣ и задержали несчастную повивальную бабку; тамъ она, какъ въ заточеніи, прожила больше года и, ничего не сдѣлавъ, должна была поздней осенью 1587 года воротиться въ Лондонъ, на кораблѣ, отплывшемъ съ Розоваго острова (островъ у самаго южнаго устья Двины). Подозрѣвая, что она не допущена была въ Москву къ царицѣ Горсе-

*) Рихтеръ l. c., I, 465. „Сборникъ рус. Имп. истор. общ.“, т. 38, 175

емъ, она подала на него жалобу королевѣ Елизаветѣ и просьбу въ московское торговое англійское общество, въ которой требовала съ общества проторей 100 фунтовъ стерлинговъ, объяснивъ при томъ, что Горсей обманулъ королеву, сказавъ, будто бы царица Ирина, при выѣздѣ его изъ Россіи, была въ пятомъ мѣсяцѣ своей беременности, между тѣмъ какъ ее въ теченіе цѣлаго года и не потребовали къ царицѣ. Общество велѣло своему агенту узнать, дѣйствительно ли Горсей имѣлъ подобное порученіе отъ царицы, на что Борисъ Годуновъ отвѣчалъ, что не царица, а онъ, ея братъ, поручилъ Горсею привезти „не повивальную бабку, а докторицу, искусную въ врачеваніи женскихъ болѣзней и безчадія". При этомъ онъ замѣтилъ: „Горсей велъ себя какъ плутъ и дуракъ; онъ наговорилъ пустяковъ королевѣ; пусть она сама разсудитъ; если онъ сдѣлалъ хорошо, тѣмъ лучше для него; если худо

пусть поплатится королевѣ своей головой: онъ ея подданный". Вѣдьмку Горсею въ этой исторіи съ приглашеніемъ первой иноземной акушерки сильно не везло; на него не только обрушились жалобы со стороны бабки, но его еще обвинили и даже хотѣли повѣсить, за то, между прочимъ, что, привезя въ Россію повивальную бабку для царицы, онъ тѣмъ оскорбилъ честь ея. Но, повидимому, все оскорбленіе состояло лишь въ томъ, что этому дѣлу сама королева, по недоразумѣнію, дала излишнюю гласность. Царица же Ирина и не знала даже, что Елизавета прислала ей повивальную бабку, что вполнѣ подтверждается письмомъ директоровъ Россійской компаніи къ лорду Бурглею. „....non was the empresse made privie of any suche woman (a midwife) commended from her Majestie; the Empress never knew of her"...

Если кто и былъ виноватъ въ этомъ инцидентѣ съ акушеркой,

старшей даже предметомъ дипломатической переписки, то одинъ лишь шуринъ царскій, Борисъ Годуновъ, который, хлопоча для виду о бабкѣ, чтобы помочь безчадію, хлопоталъ, вѣроятно, совсѣмъ о другомъ, именно—чтобы чадъ не было *).

Самъ царь Осдоръ Іоанновичъ, будучи болѣзненнымъ, часто прибѣгалъ къ помощи врачей; такъ, напр., онъ нерѣдко пользовался совѣтами доктора Марка Ридлея, бывшаго англійскаго придворнаго врача, человѣка весьма ученаго и опытнаго; но главнымъ образомъ онъ искалъ исцѣленія у святыхъ иконъ, у мощей святыхъ подвижниковъ. Онъ скончался 7 января 1598 года.

*) См. Гамель, Забѣлинъ, Юрій Толстой l. c.

V.

По восшествіи на престолъ Бориса Годунова, завязались еще болѣе тѣсныя сношенія съ западной Европой. Царь, заботясь о просвѣщеніи Россіи, привлекалъ съ этой цѣлью иностранцевъ — художниковъ, мастеровъ и врачей. Царь Борисъ, по своему характеру, особенно дорожилъ медиками, потому что трепеталъ за свое здоровье, всегда подозрѣвая, что враги постоянно умышляютъ противъ жизни и здоровья его и его семьи, а потому старался окружить себя искусными людьми, которые могли бы противодѣйствовать вражьимъ замысламъ. Для этой цѣли былъ отправленъ 24 октября 1600 года

въ Любекъ Рейнгольдъ Бекманъ, сынъ родившагося въ Россіи иностранца, служившій прежде переводчикомъ въ посольскомъ приказѣ. Ему было поручено пригласить искусныхъ и опытныхъ врачей, суконныхъ мастеровъ, „рудознанцевъ, которые знаютъ руду золотую и серебряную находити, и часовниковъ“ *).

Кромѣ того, царь Борисъ приглашалъ на свою службу и англійскихъ врачей и аптекарей, прибѣгая для этой цѣли къ посредничеству королевы Елизаветы. Такъ, послѣдняя прислала къ нему въ 1599 г. доктора Томаса Вилиса (Тимофѣй Ульсъ), давъ ему при этомъ и нѣкоторыя политическія порученія. Это послѣднее обстоятельство возбудило недовѣріе къ Вилиссу со стороны умнаго и проницательнаго Бориса; онъ, очевидно, не очень-то довѣрялъ врачу-ди-

*) „Акты истор.“ II, 81; „Рус. истор. библіотека“. Спб., 1884, т. VIII, 83.

ломату и считалъ такое совмѣстительство не совсѣмъ для себя удобнымъ, несмотря на крайне лестныя рекомендаціи, данныя Василису англійскою королевою. Надо было сплавить этого подозрительнаго доктора. И вотъ печатнику Василію Щелкалову поручается произвести экзаменъ.

„И печатникъ и посолской діякъ Василій Яковличъ спрашивалъ дохтора: сказываешься ты дохторъ, и грамота у тебя Елисаветъ королевнина дохторская и книги дохторские и лѣчебные и зелье съ тобою естли? и какие немочи знаешь? и почему у человѣка какову немочъ опознаешь?"

„И дохторъ говорилъ: которыя книги были со мною повезены изъ Англинские земли для дохторства, и я тѣ книги всѣ оставилъ для провѣзду въ Любке, и сказывался есми, въ дороге ѣдучи, торговымъ человѣкомъ для того чтобъ меня пропустили, а зелья если не взялъ для же провѣзду, что насъ, докторовъ,

къ Москвѣ нигдѣ не пропускаютъ".

„И печатникъ и посольскій дякъ Щелкаловъ доктору Вилизу говорилъ: почему тебѣ у человѣка безъ книгъ какая немочь можно познать: по водамъ (по мочѣ) ли или по жиламъ? (по пульсу).

„И докторъ Вилизъ говорилъ: немочь въ человѣке всякую можно и безъ книгъ разумомъ знать по водамъ, а которая будетъ въ человѣке тяшкая болѣзнь, ино си и по жиламъ можно познать; а и лѣчебная книга со мною есть же, а старая книга—у меня въ головѣ".

Этой первой бесѣдой дьякъ В. Я. Щелкаловъ остался весьма неудовлетворенъ. Начало закрадываться подозрѣніе, тотъ ли это Вилисъ, о которомъ рѣчь шла въ письмѣ королевы, тѣмъ болѣе, что по дорогѣ онъ выдавалъ себя за купца и не могъ предъявить ни „книгъ докторскихъ, ни лѣчебное зеліе". Въ виду этого онъ снова былъ позванъ въ посольскій приказъ, гдѣ дьякъ Щелкаловъ, заявилъ ему, что

„тотъ листъ (донесенія Георга Карева) съ тою съ Елизаветъ грамотою не согласуетца". Вилисъ давалъ свои объясненія, которыя въ концѣ концовъ не удовлетворили Щелкалова, „и дохторъ Вилисъ отъ царскаго величества отпущенъ безъ грамоты и безъ отвѣту; да и потому сказывался дохторъ Вилисъ, что его къ царскому величеству прислала королевна для дохторскаго дѣла, а книгъ съ нимъ дохторскихъ и травъ лѣчебныхъ ничего не было".

Былъ при Борисѣ въ 1601 году и такой случай. Прибылъ съ англійскимъ посломъ Ричардомъ Ли докторъ Христоферъ Ритлингеръ, венгерецъ, по словамъ Буссова, „человѣкъ опытный, хорошій медикъ и свѣдущій во многихъ языкахъ". Благодаря протекціи Ли, онъ былъ принятъ на службу и, не имѣя докторскаго диплома, удостоился полу-

*) „Сборникъ рус. Имп. истор. общ.", т 88, 280.

чить его изъ рукъ царя Бориса, послѣ того, какъ Ли написалъ царю, „чтобъ его царское величество пожаловалъ, для моего покорнаго челобитья Христафора Рыхтингера, чтобъ ему велѣти дати имя дохторское, назвати его дохторомъ, и вѣдаю язъ, что великій государь, царское величество, какъ есть во всей вселенной, можетъ дати жалованья—честь всякимъ людямъ по ихъ достоинству“ *).

Услугами всѣхъ врачей пользовался лишь царь, такъ что „ни одинъ медикъ не дерзалъ, подъ опасеніемъ ссылки, пользовать вельможъ, безъ именного приказа Государя“. Эти слова Маржерета подтверждаетъ и Буссовъ, говоря: „при царѣ для того находятся врачи, чтобы непрестанно имѣть попеченіе объ его тѣлѣ, и потому они не смѣли лѣчить никого, какъ бы важно ни было то лицо, безъ со-

*) Сборникъ русск. Имп. истор. общ“. т. 38, 404.

изволенія и разрѣшенія царскаго".

Врачи и аптекаря при вступленіи на службу, какъ и другіе чиновники, должны были произносить слѣдующую клятву, которая была введена, когда опасенія отравы волновали сильно царя.

„Подкрестная запись на вѣрность службы царю Борису Осодоровичу. Цѣлую крестъ государю своему.... Лиха мнѣ государю своему и семейству не хотѣти ни въ чемъ никакого ни мыслять, ни думати дѣлати, ни которыми дѣлы, ни которою хитростью по сему крестному цѣлованію. Также мнѣ надъ государемъ своимъ въ яствѣ и питьѣ, ни въ платьѣ, ни въ иномъ въ чемъ лиха никакого ни учинити и не испортити и зелья лихого и кореньевъ давати, а кто мнѣ учнетъ зелье лихое и кореньо давати, или мнѣ учнетъ кто говорити, чтобы мнѣ надъ государемъ своимъ какое лихо кто похочетъ учинити, и мнѣ того человѣка никако не слушати и зелья лихого и коренья у того

человѣка не имати, да и людей своихъ съ вѣдомствомъ, да и со всякимъ лихимъ зельемъ и съ кореньемъ не посылати и вѣдуновъ и вѣдуней не добывати на государское лихо. Также государя своего на слѣду всякимъ вѣдомскимъ мечтаніемъ не испортити, ни вѣдомствомъ по вѣтру никакого лиха не посылати и слѣду не вынимати ни которыми дѣлы, ни которою хитростію... а кто такое вѣдовское дѣло похочетъ мыслити или дѣлати а и азъ то свѣдаю и мнѣ про того человѣка сказати государю моему..", и т. д. *).

Но все это не мѣшало самому царю обращаться, въ случаѣ нужды, къ кудесникамъ и волхвамъ.

Извѣстно, что, „заболѣвъ однаждыды весьма сильно, великій государь (Борисъ Годуновъ) приказалъ объявить, не найдется ли кого, кто бы могъ освободить его отъ этой болѣзни: такой явился бы ко двору

*) „Акты археограф. экси." II, 10.

и какого бы состоянія и вѣры онъ ни былъ, будетъ награжденъ за излѣченіе великими милостями и богатою платой".

„Услышавъ это, жена одного боярина, который довольно строго держалъ ее, вздумала воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ для отмщенія мужу своему; она тотчасъ же пошла и заявила, что мужъ ея знаетъ вѣрное средство помочь великому государю, но что онъ только не хочетъ этого сдѣлать по нерасположенію къ царю. Боярина тотчасъ же былъ потребованъ къ царю и тамъ допрошенъ; а когда онъ объяснилъ здѣсь, что вовсе не смыслитъ ничего въ наукѣ лѣченія, то его сильно побили палкою и посадили въ темницу. Когда же онъ сказалъ, что все это продѣлки жены его, которая, по ненависти къ нему, наговорила на него и съ которою онъ за это раздѣлается, то его еще нещадно побили и грозили даже смертною казнію, которую хотѣли немедля

исполнить, если онъ не вылѣчитъ царя. Несчастный боярин не зналъ, что дѣлать, и рѣшился, наконецъ, попробовать лѣченіе, для чего и просилъ, чтобы ему дали сроку, по крайней мѣрѣ, на 14 дней, въ которые онъ могъ бы собрать необходимыя для лѣченья травы. Испрашивая этотъ срокъ, онъ желалъ только продлить какъ-нибудь свою жизнь, въ надеждѣ, что въ этотъ промежутокъ времени обстоятельства какъ-нибудь измѣнятся въ его пользу. Когда ему дали отсрочку на 14 дней, онъ послалъ въ Серпуховъ и приказалъ привезти оттуда разнаго рода земли и травы, которая росла тамъ въ изобиліи и отличалась длиною, цѣлый возъ. Изъ этого-то зелья онъ сдѣлалъ царю ванну. Къ великому счастью боярина, страданья больного послѣ ванны прошли, можетъ быть, не столько отъ ванны, какъ сами собою. Послѣ этого боярин, хотя и былъ жестоко побитъ за то, что онъ, зная средство вылѣ-

чить царя, запирался, не желая помочь ему, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и былъ награжденъ новымъ платьемъ, 200-ми рублями или 400-ми рейсхсталерами и 18 душами крестьянъ въ потомственное владѣніе, съ строгимъ наказомъ, чтобъ онъ отнюдь не смѣлъ мстить своей женѣ. Эти супруги послѣ того жили уже въ добромъ согласіи" *).

Извѣстное уже намъ ходатайство Ли о дарованіи докторскаго диплома доктору Христофору Ритлингеру не прошло безслѣдно для царя; разъ онъ могъ это сдѣлать въ угоду Ли, то почему же ему царскою милостью не возвести было въ это знаніе и кого-нибудь другого, тѣмъ болѣе, если то лицо такъ или иначе было причастно къ врачебному дѣлу. И мы знаемъ, что въ числѣ прочихъ былъ у него одинъ нѣмецъ изъ южной Германіи, котораго онъ самъ (царь) сдѣ-

*) Олеарій. „Путешествіе". Пер. П. Барсовъ. М. 1870, 170.

лалъ врачемъ. Однажды, когда этотъ нѣмецъ испрашивалъ дозволенія отправиться въ нѣмецкій университетъ и получить тамъ степень доктора, царь спросилъ его: „Что это значитъ сдѣлаться докторомъ, и какъ получается это званіе?“ Когда же онъ услыхалъ въ отвѣтъ, что для этого желающій долженъ выдержать испытаніе по своему искусству, и если найдутъ его способнымъ, то признаютъ его докторомъ, въ удостовѣреніе чего и даютъ ему свидѣтельство за подписью и печатью медицинскаго факультета, то на это царь сказалъ нѣмцу: „Поѣздку ты можешь отложить и сохранить себѣ путевыя издержки: я самъ испыталъ твое искусство и хочу произвесть тебя въ доктора, я дамъ тебѣ такую большую грамоту, какой за границей ты не получишь“. Что и дѣйствительно было исполнено имъ *).

*) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ великій мужъ „крови и желѣза“, въ то время еще

Царскимъ врачамъ же въ то время въ Россіи, по словамъ Буссова, жилось далеко не дурно. „Господа доктора ежегодно получаютъ слѣдующее содержаніе. Каждый имѣетъ жалованья 200 р., всякій мѣсяцъ хлѣбную провизію, т. е. столько, сколько нужно для прокормленія его особы, семейства и людей. 16 возовъ дровъ, четыре бочки меду, четыре бочки пива. Ежедневно около полуторы кварты водки и ежедневно столько же уксусу. Всякій день сторону свинаго сала. Отъ всякаго обѣда царскаго подачки три или четыре блюда столько, сколько сильный человѣкъ съ трудомъ поднять можетъ на одномъ блюдѣ. Всякій мѣсяцъ 12 руб., т. е. 33 рейхст. 12 м. грош. деньгами, а иногда 14 руб или 36 рейхст. 33 м. грош., чтобы закупать на нихъ свѣжую столо-

всесильный, Бисмаркъ сдѣлалъ почти то-же самое, пожаловавъ доктору Швейнингеру „званіе профессора“, къ великому огорченію берлинскаго университета.

вую провизію. Царь подариль каждому по пяти отличныхъ лошадей изъ своей конюшни, на содержаніе которыхъ имъ ежемѣсячно выдаютъ столько сѣна и соломы, что его достало бы на содержаніе 7 лошадей. Еще имѣютъ они по доброму коню, чтобы лѣтомъ каждое утро отправляться въ Кремль и по аптекамъ. Притомъ еще имѣютъ они особую лошадь, чтобы зимою впрягать ее въ сани; далѣе 2 экипажныхъ лошади для супруги врача, съѣздить въ церковь ея исповѣданія. Еще одна черноробочая лошадь, таскать воду. Сверхъ того, царь каждаго надѣлилъ помѣстьемъ отъ 30 до 40 крестьянъ. И всякій разъ, когда они дадутъ царю лѣкарство и оно подѣйствуетъ хорошо, каждый получаетъ въ подарокъ или хорошій кусокъ камки, или бархату на кафтанъ, или прекрасныхъ сорокъ соболей. Также, если имъ, по повелѣнію царскому, удастся вылѣчить какого-нибудь знатнаго князя или боярина, то и

тутъ не обходится безъ знатнаго подарка. А потому царь держитъ докторовъ въ такомъ точно почтеніи, какъ знатнаго князя или боярина.

Много разъ Борисъ разговаривалъ съ ними очень разумно о разныхъ государственныхъ и иныхъ дѣлахъ, особенно о религіозныхъ: въ заключеніе такихъ разговоровъ, Борисъ всегда просилъ молиться и за него, да сподобитъ его Господь вѣчнаго блаженства (Kaiser will auch gerne seelig werden).

Однимъ словомъ, придворные врачи не имѣли недостатка ни въ чемъ въ правленіе этого государя, но они не имѣли еще церкви, и потому всѣ вмѣстѣ обратились съ просьбою къ государю и исходатайствовали у него позволеніе выстроить свою церковь въ нѣмецкой слободѣ, внѣ города Москвы, отстоящей отъ нея на $^1/_4$ мили. На построеніе этой церкви док-

тора пожертвовали свое жалованье" *).

Мы видимъ, какое блестящее положеніе врачей; оно матеріально не было хуже обставлено, чѣмъ въ западной Европѣ, но была и оборотная сторона медали. Олеарій говоритъ: „Въ прежнее время было весьма опасно состоять придворнымъ врачемъ при царѣ; если данное имъ лѣкарство не подѣйствовало сообразно съ желаніемъ царя-ли если больной умиралъ, несмотря на лѣченіе, тогда врачъ впадалъ въ величайшую немилость, и съ нимъ поступали какъ съ рабомъ. Извѣстна исторія о великомъ князѣ Борисѣ Годуновѣ и его врачѣ. Въ 1602 году прибылъ въ Москву герцогъ Іоаннъ, братъ датскаго короля Христіана IV, съ намѣреніемъ жениться на дочери великаго князя, и вдругъ внезапно и

*) Bussow, G. „Chronicon" въ „Rerum Rossicorum Scriptores Externi „Petropoli. 1851, pag. 10.

сильно заболѣлъ; великій князь строго и съ крѣпкою угрозой приказалъ, чтобы врачи приложили все свое стараніе и искусство помочь герцогу и не допустить его умереть. Когда же никакія лѣкарства не помогли и герцогъ умеръ, то врачи должны были скрыться и долгое время не показываться на глаза царя" *).

Въ смерти герцога Іоанна, видно, былъ виновенъ завѣдывавшій тогда царской аптекой и, вѣроятно, врачебнымъ персоналомъ, Семенъ Годуновъ, ибо хотя онъ и передалъ царскій приказъ врачамъ, чтобы „доктуры у него были безпрестанно, и въ день и въ ночь, а велѣно имъ о томъ радѣти всякими мѣрами, чтобы той его скорби облегченье учинить", но тутъ же подъ рукой далъ имъ понять, чтобы „они безъ его нарочитаго приказанія не ходили къ герцогу". Когда припадки съ герцогомъ уси-

*) Олеарій, l. c., 185.

лились и его лейбъ-медикъ и при дворные послали за врачами, то эти явились только по седьмому зову. Онъ умеръ отъ тифа: „ardenti febre correptus“ гласитъ надгробная надпись *). Что въ самомъ дѣлѣ врачи боялись попадаться на глаза царю, въ случаѣ неудачнаго лѣченія, видно изъ слѣдующаго факта. Вышеупомянутый нѣмецъ, произведенный въ „доктора“ царемъ за удачное лѣченіе подагры, и любимецъ его, былъ при новомъ припадкѣ подагры позванъ къ царю. Несчастный подумалъ уже, что его лишаютъ жизни, потому одѣлся въ старое, изорванное платье, всклочилъ и распустилъ себѣ волосы на головѣ и на четверенькахъ вползъ въ двери къ царю, говоря, что, подвергшись его немилости, онъ не достоинъ уже жить на свѣтѣ, а тѣмъ болѣе зрѣть свѣтлыя очи его царскаго величества. Находившійся тутъ же у па-

*) Цвѣтаевъ, l. c., 453.

ря одинъ боярин, думая угодить царю, ударилъ нѣмца ногою такъ сильно, что концомъ сапога поранилъ ему голову, и обругалъ въ то же время собакой. Докторъ же, замѣтивъ милостивый взглядъ царя, вздумалъ воспользоваться этимъ нанесеннымъ ему оскорбленіемъ и жалобнымъ голосомъ продолжалъ: „О великій царь! Я твой, а никого другого, рабъ; я очень много согрѣшилъ передъ тобою, вполнѣ заслужилъ смерть и почелъ бы себя блаженнымъ, если бы могъ умереть отъ твоей руки. Но терпѣть такое поруганіе отъ твоего холопа мнѣ крайне прискорбно; знаю, что на то нѣтъ твоей воли, чтобы кто-нибудь другой проявлялъ такое жестокое насиліе надо мною, слугою твоимъ“. Эта униженная рѣчь перемѣнила гнѣвъ царя на милость; нѣмецъ получилъ 50 руб. награды, всѣ другіе доктора освобождены были отъ немилости. Боярин же былъ битъ *).

*) Олеарій, l. c., 186.

Извѣстно, что царь Борисъ 13 апрѣля 1605 года, въ недѣлю мироносицъ, послѣ плотного обѣда, пошелъ на вышку обозрѣвать Москву, но вскорѣ сошелъ оттуда, говоря, что чувствуетъ колотье и дурноту. Побѣжали за докторомъ; пока онъ пришелъ, у царя выступила кровь изъ ушей и носа, онъ лежалъ въ обморокѣ. Пришелъ патріархъ съ духовенствомъ, кое-какъ успѣлъ причастить царя св. тайнъ и совершить постриженіе въ схиму, нарекъ его Боголѣпомъ. Около 3-хъ часовъ дня царь Борисъ скончался. Доктора утверждали, что онъ отравился.

VI.

Съ воцареніемъ Михаила Осодоровича возобновляются прерванныя въ смутное время дружественныя сношенія съ иностранными державами. Завязываются прочныя отношенія съ западно-европейскими государствами на почвѣ торгово-промышленныхъ трактатовъ, столкновенія съ культурой Запада становятся чаще въ виду почти безпрерывныхъ пріѣздовъ къ намъ иноземныхъ посольствъ или отправленія нашихъ пословъ къ иностраннымъ дворамъ. Появляется много приглашаемыхъ изъ-за границы военноначальниковъ, солдатъ, мастеровъ. Между прочимъ, появляется цѣлый рядъ лицъ вра-

чебнаго сословія, необходимость которыхъ была сознана еще въ предыдущія царствованія. Врачи эти являются по приглашенію царя, снабженные рекомендаціями иностранныхъ королей, пословъ, бывшихъ у насъ раньше врачей, приглашаются при посредствѣ нашихъ дипломатическихъ агентовъ, какъ, напр., членъ нашего посольства къ западно-европейскимъ дворамъ Юрій Радіоновъ, „въ Парисѣ взялъ на царское имя золаторя, аптекаря да лекаря. А тамо, въ Парисѣ, тѣхъ ремесленныхъ людей хвалили, что они въ своихъ ремеслахъ добре навычны. А оттолѣ Юрья съ ними ѣхалъ въ Англенскую землю, а въ Англенской землѣ Юрья засталъ корабль на готовѣ на Русь итти. А туто Юрья свѣдалъ про дохтура Ортемья Дія, что онъ дохтуръ доброй и добрѣ навыченъ въ лецбѣ, всякіе люди его хвалятъ и свидѣтельство есть за руками всею колегою дохтуровъ, а ему самому охота есть великому

государю служити" *). Посылались нерѣдко спеціально иноземцы, для приглашенія въ Москву разныхъ иностранныхъ мастеровъ; такъ, былъ посланъ Ульянъ Ивановичъ Смитъ въ Англію „для обтекарскихъ лекарствъ и дохтуровъ и иныхъ мастеровыхъ людей", и въ 1631 году онъ „пріѣхалъ къ Архангельскому городу и обтекарскіе лекарства вывезъ да съ нимъ пріѣхали обтекарь Романъ Ульяновъ съ женою да съ нимъ два человѣка да золотого и серебренаго дѣла мастеръ Иванъ Смитъ съ человѣкомъ да два лекаря Матвѣй Кильфинъ (Андрѣевъ) Елизарей Ролопъ да съ ними два человѣка" **).

Въ 1658 „Государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ указалъ торговому иноземцу Ивану Гебдану въ ан-

*) „Памятн. дипломат. сношеній" и т. д. Спб. 1854, II, 1875.

**) „Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи", № 71.

глійской землѣ призвать дохтура добраво и навычнаго" *). Въ 1676 лѣкарю нѣмцу Вилиму Горстену „велѣно призвать въ московское государство десяти или двунадцати человѣкъ лѣкарей, да окулиста" **).

Пріѣзжали къ намъ и врачи по собственному желанію. Но попасть врачемъ въ московскую Русь было дѣломъ не легкимъ. Пріѣзжій иноземецъ-врачъ, попавъ въ пограничный городъ, задерживался воеводой, разъ послѣдній не былъ заранѣе извѣщенъ изъ Москвы о предстоящемъ въѣздѣ врача и не получалъ предписанія позаботиться о дальнѣйшемъ его проѣздѣ къ Москвѣ. Иногда, впрочемъ, посылали встрѣчать врача какого-нибудь переводчика, какъ, напр., на встрѣчу д-ру Іову Полиданусу былъ посланъ нѣмецкій переводчикъ Елисей Павловъ. Если же о врачѣ ничего не было извѣстно воеводѣ, то

*) „Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи", № 795.

**) Ibid., № 1456.

воевода сообщалъ о пріѣздѣ его царю и спрашивалъ дальнѣйшихъ распоряженій.

Всѣ путевыя издержки были казенныя; областные воеводы, равно какъ и нѣкоторыя спеціально для того командированныя лица оказывали свое содѣйствіе, чтобъ облегчить всѣ неудобства пути и ускорить его, по возможности. Прибывъ въ Москву, врачи должны были немедленно явиться въ посольскій и аптекарскій приказы; здѣсь разсматривались ихъ аттестаты и рекомендательныя письма, затѣмъ они представлялись государю. При представленіи ко двору, царь, въ знакъ гостепріимства и особаго расположенія, одарялъ врача, затѣмъ опредѣлялось жалованье, помимо котораго давались еще разнаго рода подарки при другихъ экстраординарныхъ случаяхъ, какъ, напр., при принятіи ими православія, въ дни великихъ праздниковъ и т. п.; предъ отъѣздомъ на родину врачъ снова представлялся и

получалъ снова подарки, а также и жалованную грамоту.

Не мало было врачей и лицъ низшаго медицинскаго персонала изъ военноплѣнныхъ; такъ, напр., „лѣкари Стрекссрта да Симошка“ (Эргарь Дряклерь и Саломонъ Энке), которыхъ Алексѣй Михайловичъ „указалъ искусить: лѣчитъ ли слѣпыхъ, и у коко бываетъ каменная и нутре всякіе болѣзни, которые онъ сказываетъ знаетъ лѣчить“ *). По испытаніи ихъ оставляли на службѣ съ обычнымъ жалованіемъ, и нѣкоторые подчасъ дѣлали блестящую карьеру, какъ, напр., Стефанъ фонъ-Гаденъ (онъ же Данило Ильинъ, изъ евреевъ), который изъ цирюльниковъ, по царскому повелѣнію, постепенно произведенъ былъ въ лѣкаря, затѣмъ поддоктора и, наконецъ, такъ какъ онъ служилъ лѣкаремъ „вѣрно и безъ всякаго порока какъ достойной и свидѣ-

*) „Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи“, № 844.

тельствованной ученой человѣкъ, и за то пожалованъ въ поддокторы; и въ семъ званіи онъ служилъ паче прежняго, и совершенно знающимъ себя объявилъ и за сію службу пожалованъ докторскимъ именемъ" *). Въ подтвержденіе чего ему была выдана грамота, „что онъ въ докторскомъ и во всякомъ лѣкаретвенномъ ученіи достаточно навыченъ и доктурской чести достоинъ, и во всемъ человѣкъ потребной" **). Позже это былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ къ царю врачей. Появились тогда и русскіе ученики-лѣкаря, костоправы, алхимисты (аптекарскіе ученики), чечуйки (геморойные), гортанные, чепушные лѣкаря (спеціалисты по мочеполовымъ болѣзнямъ) и т. п.

Вообще, количество врачей значительно возросло, большинство изъ нихъ были приглашены нашими послами, часть же сама ходя-

*) Рихтеръ, I. c., I, 131.
**) Ibid

тайствовала о пріемѣ ихъ на царскую службу. Въ предыдущія царствованія врачи находились въ непосредственномъ общеніи съ царемъ, но въ царствованіе уже Бориса, когда число ихъ значительно возросло, они были подчинены особому боярину, котораго Маржеретъ называетъ аптекарскій бояринъ. Въ 1620 г. былъ созданъ особый органъ управленія — аптекарскій приказъ.

VII.

Во главѣ приказа стоялъ всегда кто либо изъ болѣе близкихъ и знатныхъ бояръ, какъ: И. Б. Черкасскій (1637 г.), О. П. Шереметьевъ (1642 г.), Б. И. Морозовъ (1646 г.), И. Д. Милославскій (1662—1688 г.), А. С. Матвѣевъ (1673 г.), князь И. И. Одоевскій (1678—1686 г.), князь Я. Н. Одоевскій (1689 г.). Этому приказу были подчинены всѣ лица врачебнаго сословія, какъ доктора (терапевты), лѣкаря (хирурги), окулисты (глазные врачи, они же и оптики), цирульники (барберы), рудометы (кровопускатели), костоправы, подлѣкари (фельдшера), аптекари (завѣдующіе аптекой) и подчиненный имъ низшій

персоналъ: алхимисты, „водочные перепущики“ (дестиляторы), аптекарскіе ученики и травники, собиравшіе цѣлебныя растенія для аптеки. Аптекарскій приказъ располагалъ цѣлымъ штатомъ переписчиковъ, переводчиковъ, переводившимъ латинскіе рецепты на русскій языкъ и разныя латинскія сочиненія, равно и документы и докладныя записки царскихъ врачей, огородниковъ и т. п. Ему же были подчинены и часовыхъ дѣлъ мастера (ими часто были окулисты — оптики). Аптекарскій приказъ всецѣло завѣдывалъ аптекой, которая предназначалась для нуждъ лишь царскаго двора. Лѣкарства пріобрѣтались частью за границей, частью доставлялись изъ разныхъ мѣстъ воеводами. Отечественныя цѣлебныя травы собирались, по порученію приказа, въ опредѣленное время года и препровождались въ аптеку, съ обозначеніемъ количества, названія, мѣста произрастанія и краткимъ перечнемъ терапев-

тическаго примѣненія. Дошедшія до насъ подобныя замѣтки весьма важны для изученія отечественной народной терапіи. Всему имуществу аптеки велся точный списокъ. Если кто либо заболѣвалъ изъ бояръ, то онъ обращался съ просьбой къ царю о присылкѣ къ нему доктора; одинъ изъ врачей командировался къ больному и прописывалъ ему лѣкарство; для полученія подавалась новая челобитная о разрѣшеніи отпуска лѣкарства изъ царской аптеки, по полученіи котораго аптека изготовляла лѣкарство, занося въ книгу рецептъ латинскій съ переводомъ на русскій языкъ и обозначеніемъ аптекарскаго и соотвѣтственнаго русскаго вѣса, фамиліи назначившаго лѣкарство врача и приготовившаго его аптекаря. Когда позже аптекарскій приказъ началъ осаждаться все болѣе и болѣе частыми просьбами касательно лѣкарствъ со стороны публики, когда начали командировать врачей для лѣченія

раненыхъ къ полкамъ и отпускать имъ необходимыя лѣкарства, то пришлось устроить еще одну „новую“ аптеку. 20 марта 1672 г. государь указалъ: „на новомъ гостиномъ дворѣ, гдѣ приказъ большого приходу, очистить палаты, а въ тѣхъ палатахъ указалъ поставить аптеку для продажи всякихъ лекарствъ всякихъ чиновъ людемъ“. „Старая“ же осталась тогда исключительно („царской“)*).

*) „Матеріалы“, № 476.

VIII.

Шлейзингъ по поводу внутренняго состоянія аптеки, между прочимъ, пишетъ: „могу сказать по истинѣ, что я никогда не видалъ такой превосходной аптеки; фляжки, карафины были изъ хрусталя шлифованнаго и крышки въ оныхъ и края выложены красивою позолотою“ *); были даже серебряные сосуды; такъ, 26 іюня 1648 г. была взята „для варенья аптекарскихъ составовъ про свой государевъ обиходъ стопа серебряная съ кровлею мѣрою—кружки въ двѣ или больше и впредь той стопѣ указалъ

*) Рихертъ, l. c., II, 143.

государь быти въ аптекарскомъ приказѣ" *).

Корбъ же пишетъ: „Самыя аптеки весьма неисправно содержатся. Склянки съ разными мазями, хрустальные сосуды, аптекарскіе инструменты внѣшнимъ блескомъ прельщаютъ глаза; но часто ото всѣхъ этихъ приборовъ для здоровья или мало, или вовсе нѣтъ никакой пользы, такъ какъ большею частью сосуды стоятъ пустые, и новыя лѣкарства не покупаются съ удовлетворительной заботливостью тѣми, которыхъ царь назначилъ инспекторами или президентами аптекъ".

„Аптекаря занимаются въ аптекѣ по очереди послѣ восьми или девяти часовъ, передъ обѣдомъ приходятъ въ аптеку, въ два же часа послѣ обѣда возвращаются домой, въ нѣмецкую слободу. Въ это только время открыты аптеки, въ остальные часы дня лѣкарства не

*) „Materiały", № 621.

продаются и даже аптекарей не легко можно призвать, такъ какъ слобода или нѣмецкое предмѣстье на одинъ часъ разстоянія отъ города" *). Если кто изъ нихъ не являлся своевременно на дежурство, то велѣно было вычитать за пропущенный день кормовыхъ денегъ за 2 мѣсяца. Эти правила имѣли мѣсто въ нормальное время, „а буде въ царской фамиліи случится болѣзнь, то имъ по очереди дневать и ночевать въ ней". Ежедневно врачи собирались въ аптекарскій приказъ, гдѣ они получали разнаго рода порученія и назначенія **).

Въ аптекѣ, судя по спискамъ, дошедшимъ до насъ, находились такія вещи, которыя имѣли чисто мистическое значеніе, какъ, напр., „кость инрогова, присланная изъ Амстердама, а цѣна той инроговой кости 900 руб., а мѣрою та кость

*) Коробъ „Дневникъ" въ „Чтен. общ. истор. и рос. древн.", 1867, III, 252.

**) Рихтеръ, l. c., II, 142.

аршинъ съ четвертью". По заключенію „докторовъ Артманъ Грамона, Ондрея Ингельгартъ да Левъ Личифинусъ, належитъ тому рогу сила, и всѣ философы едиными усты говорятъ, что тотъ инорогъ противенъ есть всякой отравѣ и порчи и моровому повѣтрею и оспѣ и короете и всякомъ злымъ болѣзнемъ, потому что своею силою, изъ человѣка потъ учинитъ, и черезъ тотъ потъ всякую болѣзнь отъ сердца отгонитъ, и удивительно сколько то укрѣпитъ человѣка, и дыханіе отъ живота возвышаетъ и всякую дурность отгоняетъ и потомъ здравіе приноситъ; и сверхъ, даетца во время подобно отъ различныхъ лихорадокъ, и во всякіе лекарства вмѣшиваютъ, которые надобны къ поту, а особно когда философскою мудростію припасено будетъ. А какъ тотъ рогъ на воротъ носятъ, сказываютъ, что отъ всякой отравы хранитъ; и помышленіе блудное, какъ въ смыслѣ имѣть учнетъ, и тѣмъ погашаетъ.

А какъ человѣкъ пробудетъ з женою, имѣючи его на себѣ, и попадетъ на него горячей воды, то изъ него вся сила его пропадетъ“ *). Не меньшей репутаціей пользовался „Безуй или безоаръ“, камень, находимый во внутренности нѣкоторыхъ животныхъ, а также камень ископаемый. Въ средніе вѣка ему приписывали цѣлебную силу отъ всевозможныхъ ядовъ и болѣзней. Такое понятіе о немъ сложилось, конечно, на Востокѣ, почему восточные безуи и цѣнились всегда выше другихъ, по цѣнамъ неимовѣрнымъ, ибо вообще эти камни очень рѣдки. Въ старинныхъ нашихъ лѣчебникахъ, разумѣется, переводныхъ, о камнѣ безуѣ сказывается слѣдующее: „безаеръ камень привозятъ изъ Индіи, а кой привозятъ изъ восточной Индіи и тотъ есть сильнѣе, а цвѣтомъ сѣръ, а иный черн и мелокъ; а сказываютъ, что находятъ его при бе-

*) „Матеріалы“, № 270.

регѣ морскомъ, а родятся сказываютъ въ сердцѣ у оленя, а иные сказываютъ — у змѣи въ желчи". Далѣе лѣчебникъ говоритъ, что „всѣ мудрецы описуютъ, что безоаръ начальное мѣсто имѣетъ между всѣми лѣкарствами, которыя помогаютъ отъ о кормовъ и отъ упойства, сирѣчь отъ порчи лихихъ людей.... нѣтъ его сильнѣе". Серапіонъ мудрецъ пишетъ, что принимать его надо тертый, вѣсомъ противъ 12 зеренъ ячменныхъ, подогрѣвъ съ ренскимъ или бѣлымъ французскимъ виномъ, „а какъ его кто выпьетъ и легъ бы на постелю окутався платьемъ, что бы вспотѣть. — Въ моровое повѣтріе тотъ камень тоже внутрь принимать и при себѣ его носить".—„Аще кто тотъ камень вставитъ въ перстень и почуетъ въ себѣ порчу и вложа во уста, сосалъ бы его тогда отъ порчи избавляетъ" *).

*) Флоринскій, В. М. „Русскіе простонародн. травники и лѣчебники". Казань, 1860, 158.

Чаще всего отпускались во дворецъ различныя спеціи для настоекъ (корица, анисъ, патока), снадобья для „государева мыльнаго состава", для благовонныхъ куреній, для бѣлилъ и т. п.

Изъ лѣкарствъ пользовались во дворцѣ особымъ расположеніемъ раковая мазь. Для изготовленія ея, получилъ опредѣленный при аптекарскомъ приказѣ костоправъ Иванъ Максимовъ изъ царской аптеки слѣдующіе матеріалы: масла коровьяго 33 фунта, раковъ живыхъ 500, яицъ 300, axungia castorei четыре фунта, деревяннаго масла четыре фунта, теребентину три фунта, minium два фунта. Изъ всего сего получено 1 пудъ раковой мази *).

Bezoardicum solare (порошокъ изъ золота), напр., было изготовлено въ 1673 году въ царской аптекѣ изъ десяти золотыхъ червонцевъ и полуфунта крѣпкой водки. Къ этому

*) Рихтеръ, l. c., II, 157.

употребляли стеклянную реторту и таковую же колбу. Туда клали масла съ антимоніи 10 золотниковъ и ambra grysla шесть грановъ. Изъ этого вышло чистаго состава bezoardici solaris порошкомъ четырнадцать золотниковъ съ половиною и 10 грановъ *).

Aqua apoplectica (водка апоплектика). Изъ всѣхъ лѣчебныхъ средствъ тогдашняго времени она была самымъ употребительнымъ, какъ при дворѣ царскомъ, такъ и у частныхъ людей, и особенно у бояръ. Какъ она приготовлялась, мы видимъ изъ слѣдующаго документа. „Апрѣля 6-го аптекарь Ягамъ Гутбиръ дѣлалъ водку апоплектику; и на то дѣло дано: бобковъ масличныхъ полтара фунта, сѣмени эруцы 1 фунтъ, кобебы кардамону по три четверти фунта, цвѣту орѣшковъ мушкатныхъ полфунта, корицы, галгану, перцу долгова по полфунту, цвѣту розмарин-

*) „Матеріалы", 161.

наго, лавендуловаго 1 фунтъ, травы салвей фунтъ, маіорану, иссопу, розмарину по полфунту, корени піонія, перетру фунтъ, духу гладышева семьдесятъ три фунта, сипрту можевелеваго шесть фунтовъ, водки гуляфной тридцать шесть фунтовъ. И изъ того сдѣлано всего водки апоплектики сто восемнадцать фунтовъ *).

*) „Матеріалы“, 173.

IX.

Особенно сложными процедурами былъ обставленъ отпускъ изъ аптеки лѣкарствъ для царя или членовъ царской семьи. „Отобранныя“ врачебныя средства, которыя могли быть „пристойными про великаго государя“, хранились въ аптекѣ въ особой комнатѣ („въ особенной казенкѣ“), находившейся за печатью дьяка аптекарскаго приказа; безъ этого дьяка никто не имѣлъ сюда доступа, не выключая царскаго доктора и аптекарей; докторамъ же, на которыхъ мало надѣялись, не было сюда вовсе доступа. Самыя врачебныя средства стояли здѣсь въ запечатанныхъ склянкахъ и ящикахъ. Ре-

цептъ, прописанный докторомъ для царя, поступалъ въ аптекарскій приказъ при „сказкѣ“, т. е. донесеніи, въ которомъ описывались вошедшія въ лѣкарство вещества и ихъ дѣйствіе на организмъ. Сказка эта докладывалась царю начальникомъ аптекарскаго приказа, и если слѣдовала царская резолюція: „то лѣкарство составя приготовить“,—въ такомъ случаѣ рецептъ поступалъ въ аптеку, гдѣ лѣкарство составлялось наиболѣе довѣренными докторами и аптекарями, въ особо предназначенной для того комнатѣ, куда никому, кромѣ этихъ лицъ и дьяка аптекарскаго приказа, не было доступа. Самый рецептъ записывался въ русскомъ переводѣ, въ книги аптекарскаго приказа; здѣсь же отмѣчались имена составителей лѣкарства и имя лица, принявшаго его для передачи во дворецъ. Но этимъ дѣло не ограничивалось, принимались еще слѣдующія мѣры предосторожности. Изъ первой челобитной боя-

рина Артемона Сергіевича Матвѣева мы узнаемъ: „во время бывшія вашея государскія скорби лѣкарства составляли ваши государскіе доктары Костеріусъ, Стефанъ Симонъ, по рецепту, и тѣ рецепты и нынѣ въ вашей, Великаго Государя, аптекарской палатѣ. А лѣкарство де накупливали прежде доктары, потомъ я, холопъ твой, а послѣ де меня ваши Великаго Государя дядьки, бояре, князь Оедоръ Оедоровичъ Куракинъ, да Иванъ Богдановичъ Хитровъ; а повреждепія де вашемъ Государскому здоровью отъ того лѣкарства быти отнюдь было не отъ чего, что тѣ лѣкарства составляли самымъ свидѣтельствомъ. А что какого лѣкарства у васъ, Великаго Государя, послѣ вашихъ Государскихъ пріемовъ, оставалось, и тѣ лѣкарства при васъ, Великомъ Государѣ, я жъ выпивалъ, холопъ твой... когда вы составѣ докторскіе изволите принимать, и при Васъ, Великихъ Государяхъ, только чинъ исправляютъ,

накушиваютъ малѣйшую долю.... принявъ у тебя, Великаго Государя, рюмку, и что въ ней останется, на ладонь вылью и выпью. А твои, Великаго Государя, дядьки и того не сказали, что они накушивали составы, или нѣтъ. А буде, Великій Государь, твои, Великаго Государя, дядьки, бояре, сказали о томъ о остаткѣ, что оставалось въ сулейкѣ, и та сулейка ставала въ твоихъ, Великаго Государя, хоромахъ на окнѣ и тѣхъ остатковъ, что оставалось въ сулейкѣ, я, холопъ твой, не выпивалъ, а сливали дохторы въ аптеку для перемѣны новыхъ составовъ при приготовленіи лѣкарства" *). Докторъ Розенбургъ, лейбъ-медикъ царя Алексѣя Михайловича, разсказывалъ, „что ему однажды пришлось выпить цѣлую скляянку лѣкарства, приготовленнаго для царицы, только потому, что оно вызвало тош-

*) „Исторіи о невинномъ заточеніи А. С. Матѣева", изд. Н. Новиковымъ. М., 1785, 9.

ноту у одной ближней придворной, пробовавшей это лѣкарство передъ поднесеніемъ его его царицѣ“ *). Эти предосторожности были предписаны въ царствованіе Іоанна и Петра Алекѣевичей. До насъ дошелъ указъ ихъ, касающійся „аптекарской палаты“, пунктъ Д котораго гласитъ:

„А когда великіе государи пзволятъ коея ради болѣзни, отъ которыхъ ихъ Господь Богъ милостиво да сохранитъ, принять лѣкарства, и тогда дохтурамъ вообще о примѣчающей болѣзни государской совѣтовать, или которому дохтору одному великіе государи укажутъ рецепты написать, и тогда съ тѣмъ рецептомъ, для составленія коего великіе государи укажутъ въ аптеку отъ своихъ государскихъ ближнихъ людей послать, и при томъ ближнемъ человѣкѣ, да при дохтурѣ долженъ аптекарь со всякимъ остереганіемъ и внимані-

*) Рихтеръ, II, 276.

емъ всѣ лѣкарственныя статьи собрать и дохтуру показать, и буде по согласію дохтурскому тѣ статьи годны, и ему тотъ рецептъ со всякимъ опасеніемъ изготовить, и сдѣлавъ того лѣкарства самому дохтуру и аптекарю при томъ ближнемъ человѣкѣ надкушать, и надкушавъ запечатать аптекарю и отдать тому ближнему человѣку, при которомъ тѣ лѣкарства составлены, а при великихъ государехъ того лѣкарства надкушать кому великіе государи укажутъ: а какъ великіе государи то лѣкарство изволятъ принять, и тогда дохтуру, въ коемъ мѣстѣ ему велятъ, указу ожидать, пока благое дѣйствіе того лѣкарства совершится, и при томъ ему остерегать, чтобы кушаней какимъ противныхъ ядей или питія, или выхожденіемъ на вѣтеръ благое дѣйство того лѣкарства не помѣшалось. А къ рецептамъ, паче же по которымъ про великихъ государей лѣкарства составливаны, велѣть дохтуру, при которомъ ап-

текарь это составливалъ, своею рукою подписать, а дьяку подписать годъ и число, кто то лѣкарство къ Великимъ Государемъ взнесъ и кто составливалъ" *).

*) Флоринскій, l. c., 199.

X.

Не только царь пользовался услугами врачей, но и весь дворъ. Вѣяніе времени отразилось и на теремѣ, и онъ открылъ свои двери иноземцу-врачу. Такъ, извѣстно, напр., что „прошлаго 184 году (1676) февраля, въ 18 день, в. г. царь и вел. кн. Ѳедоръ Алексѣевичъ“ указалъ: „дохтору Степану Ѳунгадину къ нему, Великому Государю, въ хоромы не ходить, а ходить только къ хоромамъ—къ благовѣрной Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ Наталіи Кирилловнѣ и къ благовѣрнымъ Государемъ цесаревичемъ и благовѣрнымъ Государы-

нямъ Царевнамъ—къ большимъ и къ меньшимъ, съ лекарствы" *).

Мейербергъ, бывшій въ Москвѣ лѣтъ десять прежде, при царицѣ Маріѣ Ильичнѣ Милославской, разсказываетъ, что врачъ никогда не могъ ихъ видѣть. Когда однажды, по случаю болѣзни царицы, необходимо было призвать врача, то, прежде чѣмъ ввели его въ комнату къ больной, завѣсили плотно всѣ окна, чтобы ничего не было видно, а когда нужно было пощупать у нея пульсъ, то руку ея окутали тонкимъ покровомъ, дабы медикъ не могъ коснуться тѣла **).

Врачи продолжали участвовать и въ выборѣ царскихъ невѣстъ, и какую важную роль играло ихъ заключеніе, мы знаемъ по дѣлу Маріи Ивановны Хлоповой, въ которомъ участвовали лѣкарь Бальзиръ и дохтора Бильсъ и Дій. Извѣстно и дѣло Ивана Шихарева.

*) „Матеріалы", 1348.
**) Забѣлинъ, „Бытъ царицъ", 295.

Съѣхался онъ съ докторомъ Стефаномъ фонъ-Гаденъ на Тверской улицѣ и „говорилъ, что взята вверхъ племянница его Бѣляева для выбору, возили ее къ боярину Хитрово, бояринъ смотрѣлъ у нея рукъ и сказалъ, что руки худы, смотришь ты ихъ, дохторъ Стефанъ, а племянница моя человѣкъ беззаступный, какъ станешь смотрѣть руку, и ты вспомоги". Докторъ отвѣчалъ, что его къ такому дѣлу не призываютъ, да и племянницы его онъ не знаетъ; на это Шихаревъ сказалъ: „Какъ рукъ у нея станешь смотрѣть, и она перстомъ за руку придавитъ, по тому ее и узнаешь" *).

Кромѣ того, врачи, по царскому указу, лѣчили знатныхъ „иностранныхъ гостей", бояръ, ратныхъ людей и др.; они же производили и судебно-медицинскія экспертизы. Многія, не зная русскаго языка, посѣщали больныхъ въ сопровожде-

*) „Матеріалы", 269.

ніи толмачей, которымъ это занятіе не особенно нравилось, отъ котораго они подчасъ просили ихъ освободить и которымъ они порой совершенно пренебрегали, ставя тѣмъ врача въ безвыходное положеніе.

Такъ, дошла до насъ бумага, что „въ аптекарскомъ приказѣ... дохтуръ Андрѣй Келдерманъ извѣщалъ словесно на толмача на Никиту Вицента: по указу де Великаго Государя, велѣно ему дохтуру лѣчить головъ московскихъ стрѣльцовъ — Семенова приказу Грибоѣдова, да Иванова приказу Лутохина—больныхъ стрѣльцовъ, а для толмачества велѣно съ нимъ дохтуромъ Андрѣемъ ѣздить толмачю Микитѣ Винценту; и онъ дохтуръ тѣмъ больнымъ стрѣльцамъ написалъ роспись — чтобы въ новой аптекѣ лекарства здѣлали; и тѣ де лекарства готовы давно, а толмачь де Микита къ нему дохтору не ѣздитъ больши недѣли; а тѣмъ больнымъ стрѣльцамъ, ему дохту-

ру лекарствъ безъ толмачества давать не можно, и онъ дохтуръ отъ того опасенъ — чтобъ тѣ больные стрѣльцы не померли, и ему отъ Великаго Государя въ опалѣ не быть. Докторъ Андрей Келдерманъ къ сему извѣту руку приложилъ. (На оборотѣ рукою дьяка Виніуса помѣта): По указу Великаго Государя, сказать толмачу Никитѣ Вицинту, буде впредь не учнетъ по больнымъ съ докторомъ ѣздить или отъ болныхъ будетъ челобитье—и сво, бивъ батоги, откинуть" *).

Толмачи приносили при поступленіи на службу клятвенное обѣщаніе, какъ и всѣ царскіе слуги, но въ немъ, помимо того, еще значилось, что по крестному цѣлованію они клянутся ни царя, ни его семьи „не испортити, и зелья и коренья лихова и травъ въ ѣствy и питье, и во всякіе лекарства и въ иное ни во что не положити, и мимо себя никому положити не ве-

*) „Матеріалы", № 1448.

лѣти, и съ лихимъ ни съ какимъ умысломъ и съ порчею къ нимъ Государемъ не приходити, и росписи дохтурскіе, и аптекарскіе, и алхимискіе, и лекарскіе и всякіе писма переводити вправду; такоже мнѣ, и рѣчи дохтурскіе, и аптекарскіе, и алхимискіе, и лекарскіе, толмачить и переводить вправду, а лишнихъ рѣчей и словъ своимъ вымысломъ въ переводѣ и въ толмачествѣ, собою не прибавливать и не убавливать, ни которыми дѣлы и ни которою хитростью, и дѣлати во всемъ вправду, по сему крестному цѣлованію. Такъ жъ мнѣ смотрѣти и беречи того накрѣпко: чтобъ дохтуры и аптекари, и алхимисты, и окулисты, и лѣкари, въ дохтурскіе и въ аптекарскіе, и въ алхимискіе, и въ окулискіе, и въ лекарскіе, и во всякіе составы и въ иное ни во что — никаково злаго зелья и коренья и травъ и иного ничего нечистого и злаго и отравнаго и въ посные дни скоромнаго не положити и не примѣ-

шати, и къ ихъ Государскому здоровью не принести лиха, мнѣ и никаково дурно самому мнѣ не учинити и никому учинити не велѣти“ *).

*) Матеріалы, № 1359.

XI.

Если кто-либо изъ врачей случайно посѣщалъ прилипчиваго больного, то онъ былъ обязанъ, извѣстивъ государя, сидѣть дома впредь до царскаго разрѣшенія.... До государя доходила, изъ предосторожности, 3-я или 4-я копія. Такъ, напр., „у Богородицкаго протопопа у Михайла умерла жонка скорою смертью, и тое жонку осматривали дохтуръ Левъ Личифишусъ да лѣкарь Осипъ Боржо да Стрѣлецкаго приказу подъячей Тимоѳей Антипинъ", хотя осмотръ и разспросъ ничего подозрительнаго не дали, но такъ какъ они не могли сказать, были ли на трупѣ замѣчены пятна „моровыя язвы" или

нѣтъ, то „по Государеву Цареву указу протопопъ Михайло посланъ въ свой домъ, а дьяку Герасиму Дохтурову и дохтуру Льву и лѣкарю Осипу и подъячему Тимоѳею Антипину велѣно быть на своихъ дворѣхъ, до Государева указа съѣзжать имъ своихъ дворовъ ни куды не велѣно, и дьякъ Гарасимъ, и дохтуръ и лѣкарь и подъячей живутъ на своихъ дворѣхъ. Генваря со 2 числа, Генваря жъ по 16-е число и ни куды съ своихъ дворовъ не съѣзжаютъ и бьютъ челомъ Государю, чтобъ Государь ихъ пожаловалъ велѣлъ ихъ освободить“ *). Такимъ образомъ, врачъ подвергался карантину, и ему запрещалось не только посѣщать государевъ дворъ и аптеку, но вообще кого бы то ни было. Эта профилактическая мѣра простиралась не на однихъ только врачей. Весьма также строго запрещено было приходить во дворецъ, особенно

*) „Матеріалы“, № 778.

на Постельное крыльцо, въ болѣзняхъ или изъ домовъ, въ которыхъ были больные. Въ 1680 г. іюня 8 по этому случаю послѣдовалъ строжайшій царскій указъ, сказанный стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ и жильцамъ, которые, если у кого изъ нихъ или въ ихъ домахъ были „боли огневою или лихорадкою и оспою или иными какими тяжкими болѣзнями", должны были давать знать о томъ въ Разрядъ и на Постельное крыльцо не ходить, и въ походы и на выходахъ нигдѣ не являться. Въ противномъ случаѣ, тѣмъ, кто нарушитъ это повѣленіе, —„за такую ихъ безстрашную дерзость и за неостерегательство его Государева здоровья, по сыску, быть въ великой опалѣ, а инымъ и въ наказаньи и въ разореньи, безъ всякаго милосердія и пощады".

Въ тѣ времена довольно часто случались повальныя болѣзни, чего особенно и страшился дворъ государевъ, заботливо охраняя себя въ сомнительныхъ случаяхъ. Такъ,

однажды, въ 1664 г., февраля 11, во время пріема въ Грановитой палатѣ англійскаго посла Чарлуса Говорта, изъ числа жильцовъ, стоявшихъ, по обыкновенію, въ Сѣняхъ и по Красному крыльцу, одинъ на Красномъ крыльцѣ внезапно упалъ отъ падучей скорби или, можетъ быть, отъ дурноты, именно жилецъ Гаврило Тимоѳеевъ Муромцевъ. „А былъ на немъ терликъ объярининый зеленый, шапка объяринная золотная алый цвѣтъ, съ соболемъ; кушакъ тафтяный красный, въ рукахъ протазанъ“; этотъ нарядъ, по обыкновенію, выдаваемый въ подобныхъ случаяхъ съ казеннаго двора, когда онъ поступалъ снова въ казну, отставлялся и клался особо, у сторожей въ казенкѣ, изъ боязни, чтобы болѣзнь не распространилась посредствомъ заразы отъ платья *).

*) Забѣлинъ, „Бытъ царей“, 238.

XII.

Если царь собирался въ какое-нибудь путешествіе, то издавался указъ, кому изъ лицъ врачебнаго сословія сопровождать его. Такъ, напр., „1676 декабря въ 5 день Великій Государь указалъ быть за собою Великимъ Государемъ въ походѣ въ селѣ Хорошевѣ изъ аптекарскаго приказа лекарствомъ, а изъ лекарствы — дохтуру Симону Зомеру, да аптекарю крестьяну Эглеру, костоправу Степану Максимову, лекарю Ѳедору Ильину, да истопнику да сторожу, да ученику. А подъ лекарства указалъ В. Г. дать: три подводы дохтуру Симону, четыре подводы костоправу, лекарю, ученику—по подводѣ человѣку, истопнику да сторожу подвода — съ санми и съ проводники

изъ Ямского приказу; а прогонные деньги даны будутъ изъ новые Аптеки“ *).

Намъ извѣстны и тѣ лѣкарства, которыя бралъ съ собой государь; такъ, „наряжена была шкатула.... въ верхнемъ ящикѣ которой были сулейки“ разныхъ маслъ и эссенцій.... „въ томъ же ящикѣ, въ исподнемъ меньшомъ ящикѣ: ложка, чарка, двѣ лопатки серебряныхъ, пестикъ мѣдной, да тафта бѣлая № 94 да алая... пониже въ другомъ ящикѣ, въ гнѣздахъ, въ склянкахъ почети фунта: водки апоплектики, и скленки“ разныхъ спиртовъ (духовъ) и сиропов.... „Пониже въ третьемъ ящикѣ, въ круглыхъ сулейкахъ, водки апоплектики.... безую 5 нарядовъ (пакетикъ) безъ инроговой кости, безуюжъ 5 же нарядовъ съ инроговою костью“...

„Въ исподнемъ самомъ ящикѣ, въ цѣпиныхъ“ стопкахъ разные сахары... „бальсамы, въ костяныхъ

*) „Матеріалы“, № 1343.

сосудахъ“ и мази, въ „коробочкѣ комфора. Соли въ стопкахъ“. Кромѣ шкатулы были двѣ коробки, въ одной водки, пустыя „склянцы“, травы и пластыри; а въ другой водки и вина и тамъ же ящикъ заморской съ вѣсками и съ скрупонами 2 стопки стеклянныхъ сахару съ анисовымъ масломъ скаромнаго и посного. Кружка серебряная, кунганъ, да противень, да иготь маленькая, мѣдные, шандалъ мѣдной, 3 склянцы водяныхъ. Корень Галганъ, бобки масличные, полфунта воску, ножницы, аршинъ холста, кувшинъ мѣдной, сковородка мѣдная“. Кромѣ того, не разъ брались для справокъ въ дорогу травники: „травникъ, учителя и дохтора Симона Спренія“, его же „Зельникъ“ и „о простыхъ лѣкарствахъ отъ Діоскорида и иныхъ многихъ; собраны черезъ учителя Симонажъ Спреннія“ и т. п. *)

*) „Акты исто[illegible] VI, 323.

XIII.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ заболѣлъ въ 1643 г. рожей. По поводу этой болѣзни была подана 6 іюня „Сказка и вымыслъ всѣхъ .....ровъ о болѣзни именуется рожи.

Первая статья мазать виннымъ духомъ съ канфорою на день по трижды. А послѣ того принять камени безу..... для поту противъ 12 зеренъ перцовыхъ въ составленной водкѣ, которую для тово составили, чтобъ рѣская жаркая кровь раздѣлилась и не стояла бъ на одномъ мѣстѣ. А послѣ того надобно отворить жильную руду, для тово что бъ вывесть всякой жаръ изъ головы и крови продухъ

дать, а буде крови продуху не дать и та тяжкая жаркая кровь станетъ садится на какомъ мѣстѣ нибудь гдѣ природа покажетъ и отъ того бываютъ пухоты и язвы а жильную руду мощно отворить изыскавъ день доброй.

Да доктурыжъ подали другую скаску а въ скаске написали, будетъ севодни то лекарство принять нельзѣ до обѣдноно кушенья и принять то лекарство за два часа до вечернево кушенья для того что то лекарство гораздо надобно принять.'

И того жъ числа по той докторской скаске государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи докладывалъ боярин Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ.

И государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи слушовъ доктурской скаски указалъ имъ то лекарство состаня приготовить до вечернево кушенья часа за два и того жъ числа док-

туры составъ составливали а въ составѣ положено камени безую противъ 12 зеренъ соли королковые противъ 7 зеренъ водки гладышевы 9 золотниковъ да цвѣту дерева самбуцыя 2 горсти мочено и варено въ уксусѣ ренскомъ своробориномъ уксусу положено полъ фунта а въ тотъ составъ процыдя сквозь бумагу положено 4 золотника сахару мелково не скоромново 2 золотника.

И того жъ числа въ пятомъ на десятъ часу Государь тотъ составъ прималъ.

А на завтрее въ 4 числѣ Государю Царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи отъ тое болѣзни лекарь Вилимъ Краморъ отворялъ жильную а въ мыленке въ тѣ поры были доктуры Артманъ Граманъ да Яганусъ Белово да доктуры жъ подали скаску что послѣ отверенья купать а въ скаскѣ пишетъ:

Доктуры Артманъ Граманъ да Еганусъ Болово сказали:

Послѣ жильново отворенья добро кушать рыба свѣжея окуни пѣскиши щуки и раки добрѣ здорово. А та рыба ѣсть въ ухѣ варя или жаря а жареную рыбу поливать сокомъ лимоннымъ. А рѣдьки и хрѣну не ѣсть и пить ренское вино прямое доброе да церковное вино доброе съ сахаромъ съ мелкимъ съ нескоромнымъ и пиво доброе и квасъ доброй житной. А не пити вина горячево ни водки ни меду ни романеи. А въ полдни руда вѣшана вѣсомъ стало фунтъ безчетверти. И тое руду при бояринѣ при Ѳедорѣ Ивановичѣ Шереметевѣ Иванъ Ѳедоровичъ Большой-Стрешневъ выкопавъ въ саду противъ комнатъ ямку положилъ въ землю".

Желая наградить врачей, царь потребовалъ справки изъ аптекарскаго приказа, какія награды даны были въ прошлые годы за подобныя же кровопусканія. Представленная царю выписка гласила:

„А какъ въ прошломъ во 149

году Государю Царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичю всеа Русіи отворяли жильную и его Государева жалованье было доктуру Венделинусу Сибилисту противъ доктура Ортемья Дін что ему Государева жалованья дано было во 138-мъ году какъ отворяли Государю Царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи жильную.

Кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею вѣсу 2 гривенки 41 золотникъ по 5 рублевъ гривенка.

Бархатъ кизильбашской зеленой 10 аршинъ въ 10 руб.

Камки куфтерю черлево 10 аршинъ въ 10 рублевъ.

40 соболей въ 45 рублевъ.

Оптекарю Ондрею.

Ковшъ серебрянъ бѣлъ вѣсу гривенка 30 золотниковъ съ полу золотникомъ.

Атласу свѣтлозелено 10 аршинъ по 25 алтынъ аршинъ.

40 соболей въ 20 рублевъ.

Лекарю Вилиму Крамору а по руски Семену.

Ковшъ серебрянъ бѣлъ вѣ(сомъ гри).....венка 31 золот....." *).

Въ 1643 г. 6 іюля заболѣлъ царь Михаилъ Ѳедоровичъ, „доктуры Артманъ Граманъ да Яганусъ Бѣловъ сказали", на основаніи замѣченныхъ ими признаковъ, „таеде немочь зовется по латыни ангина" (жаба); въ сказкѣ подробно изложена этіологія этой болѣзни, указано на возможность появленія подобнаго же заболѣванія у животныхъ. „Помочь не мощнымъ людемъ у которыхъ горло и груди пухнуть.

„Подъ языкомъ жильную отворить да сдѣлать водка которая холодитъ и тою водкою въ ротѣ полоскать а не глатать и плевать вонъ. А наружно мазать мазьми и пластыри прикладывать которые къ тому годны будутъ и только немочь продлитца надобно давать

*) „Матеріалы", № 151.

лекарства что-бъ потѣть и отъ того бываетъ облегченіе".

Далѣе указано, что „давать скотинѣ всякой которая занеможетъ".

Рекомендованное докторами средство „сдѣлать водка которая холодитъ" и полоскать ею горло, видно, мало удовлетворило царя и его приближенныхъ; не желали лѣчить лѣкарствомъ неизвѣстнаго состава, и вотъ 10-го іюля „Боярин Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ велѣлъ допросить доктуровъ какую сырую траву кладутъ въ питье отъ которой травы холодитъ.

„И доктуры Артманъ Грамынъ да Яганусъ Бѣловъ сказали: кладутъ въ вино церковное и въ иные питья сырыя травы отъ которыхъ въ желудкѣ холодитъ по латыни зовуца.

Трава Барага.

Трава Пултерлака.

Трава Понтернела.

И отъ тѣхъ травъ въ желудкѣ холодитъ и запахъ въ питье ставитца хорошъ.

Да кушать въ нынѣшніе дни хорошо смородина красная холодитъ съ нее гораздо".

Но „дохтуры Артманъ да Ягануєъ" этимъ не ограничились; 11 іюля они подали обстоятельную „сказку", какъ „лечить ту немочь", перечислили всѣ извѣстныя имъ средства, а также указали на профилактику, необходимую „для обереганья отъ летворнаго вѣтру" (зараженія) *).

Въ апрѣлѣ 1645 царь Михаилъ Ѳедоровичъ заболѣлъ, потрясенный разными семейными невзгодами. Апрѣля 23 „дохтуры Сибилистъ, Бѣлау и Граманъ смотрили воду (мочу). А по водѣ знать, что желудокъ и печень и селезенка природные теплоты для слизу, которая въ нихъ копится безсильны. И отъ того по немногу кровь воденѣетъ и холодъ бываетъ; да отъ того же цынга и иные мокроты родятца.

*) „Матеріалы" № 153, 154, 155.

„А лечити та болѣзнь сперва составнымъ ренскимъ виномъ. А составити его съ травами и съ кореньемъ и того вина пити по получаркѣ медвеной подогрѣвъ поутру часу въ третьемъ дни, да послѣ обѣда за два часа до вечера. А пити ево по два дни, чтобъ слизь изъ желудка и изъ печени и отъ селезенки вынесть. А отъ того вина будетъ поносъ небольшой и безсилья отъ нево не будетъ, только тѣ составы въ чемъ кровь варитца согрѣетъ и укрѣпляетъ. А принявъ того вина мочно быть не въ теплой хоромынѣ, а на вѣтрѣ ходити. А пити горячее вино и иные всякіе питіи и ѣсть всякіе ѣствы по немногу. А вечернего кушанья не держить а которые питіи добрѣ холодны и кислы и ихъ не пити, и уксусу въ ѣствы не прибавливать, и мочно того ренскаго вина всегда на готовое держать, и какъ на низъ проходу мало и того вина по утру принимать по получаркѣ.

„И какъ того ренскаго вина два дни принявъ, и послѣ того мочно эликсиру пропріятатисъ черезъ день или черезъ два дни въ теплой ухѣ принимати по 9-ти и по 11-ти капель; да на всякой мѣсяцъ для поту принимати порохъ. А въ тотъ порохъ положити безую инроговой кости противъ 24-хъ зеренъ да соли корольковые противъ 20-ти зеренъ перцовыхъ.

„Сіе лекарство составлено въ нынѣшнемъ въ 153 году апрѣля въ 24 день. А поспѣло то лекарство въ девятой день а дня о томъ лекарствѣ какъ принимати не пишетъ, а мочно ево пріимати въ которой день изволишь. А что въ то лекарство положено коренья и травъ и цвѣтовъ и тому во всемъ роспись:

Коренья: Алтея 6 золотниковъ. Кихори. Шкорцинера. Полиподіи кверцине. Петрушкого. Оношдисъ всякого по 3 золотники. Девесильного. Ірісъ по 2 золотника. Коры капаромъ 6 золотниковъ.

Травы: Вероника. Агримонiа. Камедрисъ всякого по горсти. Полынью 2 щепотки.

Цвѣты: Свороборинного. Фьялкого по 2 щепотки. Примеры верисъ. Гладышевъ по щепоткѣ. Ягодъ акихенки 3 золотника. Дерева сасафрасу 3 золотника. Корицы 3 золотника. Гвоздики полъ 2 золотника. Инбирю два золотника. Листу александрѣйскаго 12 золотниковъ. Мехiокана чорной. Ревеню по 3 золотники. Кореню гедебринигри полъ золотника. Ягодъ коринки 12 золотниковъ. Кремортартари 2 золотника. Размарину щепотка. Семяни онисового 3 золотника. Ягодъ мозжевеловыхъ 6 золотниковъ.

Вино ренское составлено съ разными травы и кореньи, а принимать ево по дважды на день по утру часу въ третьемъ дни не кушавъ по получаркѣ медвеной, подогрѣвъ, чтобъ было не добрѣ тепло. А послѣ обѣда за два часа до вечера приняти только же и отъ

того вина будетъ поносу на день столчаковъ пять или шесть. А послѣ пріиманья безсилья отъ него не будетъ. И принявъ то вино покушать немного сахару и мочно быть не въ теплой хороминѣ, и на вѣтръ ходити. А у обѣднево кушанья горячее вино и иные всякіе питьи и всякіе ѣстны ѣсть по немногу, а вечернего кушанья не держати. А которые питьи добрѣ холодны и кислы и ихъ не пити и уксусу къ яствамъ не прибавливать. А въ которой день того лекарства приняти и въ тотъ день не опочивати.

Которой человѣкъ впервые прометъ поносное лекарство не подойметъ, и тѣмъ лекарствомъ не подпело для того что мокрота слизовата и густа и жилы заперты, и того лекарства впредь приниматн по больши прежнево, по цѣлой чаркѣ медвеной. А приниматн подогрѣвъ по утру часу въ третьемъ дни да въ другіе за два часы до вечера. Отъ прежнего ренского со-

ставленного вина поносу мало потому что недолго въ теплѣ стало. А для того не дали долго составу въ теплѣ стояти, чтобъ пріятнѣе пити и бываетъ тѣмъ людемъ которые поносные лекарствы принимаютъ имъ даютъ сперва лехкіе лекарства, и тѣми лекарствы опознати крѣпка ли или не крѣпка природа. А будетъ отъ того ренского вина лехкой поносъ, и надобно составити такого же вина вновь и поставити въ теплѣ и стояти составу три дни чтобъ сильнѣе было. А передъ прежнимъ составомъ будетъ немного погорчае. А принимати ево противъ прежнего по двожды на день въ третьемъ часу дни да послѣ обѣда за два часа до вечера.

II майя въ 14 день составленъ другой поносной составъ противъ прежнего состава.

А въ нынѣшній составъ передъ прежнимъ прибавлено листу александрѣйского къ 12 золотникомъ 6 золотниковъ.

Межакана чорной къ 3-мъ золотникомъ 3-жъ золотники. Корени Гелебри имги къ полузолотнику полъ 3 золотники.

Ревеню къ 3-мъ золотникомъ 3-же золотники. Корени Турбиту вновь положено 3 золотники. Вино ренское составлено съ розными травы и коренья. А принимать ево въ которой день изволишь по медвеной чаркѣ подогрѣвъ въ третьемъ часу дни да въ другій за два часа до вечера. А пити горячее питье и всякіе питьи и ѣсти всякіе ѣствы по немногу. А вечернего кушенья не держати. А которые питьи добрѣ холодны и кислы и ихъ не пити и уксусу въ ѣствы не прибавливати а принявъ лекарство мочно быть не въ теплой хороминѣ и на вѣтръ ходити.

153 г. майя въ 26 день. Доктуры смотрили воды и та вода блѣдна знать что желудокъ и печень и селезенокъ безсильны отъ многово сидѣнья и отъ холодныхъ питей и отъ меланколія сиречь

кручина и отъ того печень и селезенка заперты и вѣтрь и колотье возле ребръ объявливаетъ и какъ та болѣзнь продлитца и отъ того ноги будутъ пухнуть.

А пособити та болѣзнь мощно сперва приняти лехкую пургацею порохъ и тѣмъ воду и слись отъ кровы отведетъ и желудокъ и печень и селезенокъ очиститъ. А въ тотъ порохъ положено мехіокана чорной полъ золотника корени турбиту противъ 5-ти зеренъ кремартартари треть золотника масла феникольново три капли.

А послѣ той пургацеи кушать сахаръ которой желудокъ и печень и селезенокъ укрѣпитъ и отпираетъ и вѣтръ изнутри гонитъ. А въ тотъ сахаръ положено сахару сыроборниново 6 золотниковъ, сахару изъ цвѣта розмариннова сахару изъ цвѣту мелиса сахару изъ цвѣту померанцова всѣхъ по три золотники, коры цытроново въ сахарѣ три же золотника, конфекси гіацинти 2 золотника, магистеріумъ

изъ корольковъ красныхъ противъ 20-ти зеренъ, масла коришново 4 капли, масла гвоздишново 3 капли, масла полыню съ перепускново 2 капли, масла фениколиово 6 капель, масла купоросново сколко доведетца положити, сыропу изъ коры цитроновой 4 золотника. А наружно мазати балсамомъ тотъ балсамъ желудокъ укрѣпитъ и грѣетъ. А положено въ нево масла мушкатново густово 2 золотника, масла мятново 10 капель масла гвоздишново 5 капель.

Мазь той мазью мазати по обѣимъ бокамъ подле короткихъ ребръ для укрѣпленія печени и селезенка и безсильного желудка, и вѣтръ изъ нутри выгонитъ. А въ тое мазь положено сератомъ сантолиномъ золотникъ.

Мазь силенетикомъ 3 золотники масла размаринново 8 капель.

153 г. апрѣля въ 23 день такову скаску подали доктуры Венделинусъ Сибилистъ, Яганусъ Ведовъ, Артманъ Грамопъ.

7153 майя въ 26 день составленъ поносной порохъ. А принять ево въ романѣе подогрѣвъ ложки съ три или четыре въ третьемъ часу дни и принявъ ево не спати и не потѣть. А быти въ хоромиѣ въ теплом платье и чулочки держати на ногахъ теплые жъ а въ седмомъ часу дни кушати уха теплая, съ курятиною или уха баранья и иные яствы чево поволитъ. А кислово и холодново не кушать. А пити пиво или квасъ подогрѣвъ чтобъ было не добрѣ тепло а болши тово ничево не пити и послѣ обѣда мочно починутъ часы съ два а вечернева кушанья не держати.

И какъ порошокъ приметъ и послѣ того на другой день принимать сахаръ по дважды на день величиною по мушкатному орѣху съ утра въ третьемъ часу дни да вечерѣ спать ложесь и принявъ ево мазати балсамомъ желудокъ подъ лошкою а взяти ево противъ рускова орѣха. А въ теплѣ того сахару и балсаму не держати а ку-

шати сахаръ и балсамомъ мазати по вся дни.

Да въ тѣ же дни мазать мазью по двожды на день передъ обѣдомъ да за два часа до вечерняго кушенья, а взяти той мази съ мушкатной орѣхъ величиною и положити на серебреную ложку и подержати надъ жаромъ чтобъ та мазь была тепла И мазать лехко по обоимъ бокамъ.

153 г. майя въ 26 д. Такову скаску подали доктора и отнесена въ верхъ къ государю въ хоромы, принялъ скаску и порошокъ и сахаръ и балсамъ бояринъ Федоръ Ивановичь Шереметевъ. Больному не много полегчало, но наступили головныя боли, шумъ въ ушахъ, и 5 іюня составленъ „порошокъ отъ головные болѣзни, а въ тотъ порошокъ положено ладану росново, янтарю бѣлово по 10-ти зеренъ, ладану простово поль золотника тро..... цисн зелипти мушкати золотникъ.

„И того составленого порошку взяти съ полъ орѣха и передъ вечернымъ опочиваньемъ положити ево на жаръ и отъ него будетъ паръ и надъ тѣмъ паромъ держати ухо въ которомъ шумъ а какъ тотъ порошокъ на жаръ положити и передъ тѣмъ въ ухѣ почистить“ *).

12 іюля, въ свои имянины (Михаила Малеина), царь пошелъ къ заутрени; но въ церкви сдѣлался съ нимъ припадокъ, и его принесли уже въ царскія хоромы. Къ вечеру болѣзнь усилилась; онъ началъ стонать, жалуясь, что внутренности его терзаются, велѣлъ призвать царицу и сына, шестнадцатилѣтняго Алексѣя Михайловича, съ дядькой его, Борисомъ Ивановичемъ Морозовымъ, и патріарха; простился съ женою, благословилъ сына на царство, при чемъ сказалъ Морозову: „Тебѣ, боярину нашему, приказываю сына и со слезами говорю: какъ намъ ты служилъ и работалъ

*) „Матеріалы“, № 591.

съ великимъ весельемъ и радостью, оставя домъ, имѣніе и покой, пекся о его здоровьѣ и наученіи страху Божію и всякой премудрости, жилъ въ нашемъ домѣ безотступно въ терпѣніи и безпокойствѣ тринадцать лѣтъ и соблюлъ его какъ зѣницу ока, такъ и теперь служи". Во второмъ часи ночи, почувствовавъ приближеніе смерти, Михаилъ Ѳеодоровичъ исповѣдался, пріобщился св. Таинъ, послѣ чего, въ началѣ третьяго часа ночи, скончался.

Болѣзнь, сведшая его въ могилу, была пораженіе почекъ.

XIV.

Алексѣю Михайловичу и Маріѣ Ильиничнѣ не разъ дѣлали кровопусканіе; такъ, напр., въ 1659—1660 и т. д. Всегда при этомъ давались не только врачамъ, но и переводчику и „рудомету“ особыя награды.

Мейербергъ передаетъ слѣдующій инцидентъ, имѣвшій мѣсто при одномъ изъ такихъ кровоизвлеченій. „Когда сильный внутренній жаръ угрожалъ доброму здоровью великаго князя, онъ велѣлъ стороною спросить совѣта о томъ у врачей, тщательно утаивъ имя больного, и отъ каждаго изъ нихъ потребовать письменнаго мнѣнія. Всѣ врачи согласились въ томъ, что больному надобно пустить кровь.

Алексѣй одобрилъ совѣтъ, и, переставъ скрываться, протянулъ руку врачу для кровопусканія. Когда оно окончилось благополучно, великій князь пригласилъ и окружающихъ бояръ послѣдовать его примѣру. Всѣ повинуются приглашенію государя, хотя и противъ воли, однако жъ не столько изъ столь обыкновеннаго при дворахъ порока лести, сколько изъ страха, чтобы не навлечь на себя царскаго негодованія въ случаѣ отказа. Одинъ окольничій, Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ, понадѣявшись на родство, соединявшее его съ Алексѣемъ по его матери, Евдокіи Стрѣшневой, отговаривается, подъ предлогомъ своей дряхлой старости. „Ахъ ты, неключимый врагъ!“ сказалъ Алексѣй въ раздраженіи. Развѣ ты не ставишь ни во что своего государя? Неужто въ твоихъ жилахъ льется кровь дороже моей? Да и съ чего ты такъ превозносишь себя надъ равными, даже и высшими тебя, что похваль-

ный примѣръ ихъ посѣщнаго усердія позволяетъ себѣ охуждать совсѣмъ противоположнымъ поступкомъ?“ Не говоря много словъ, онъ бросается къ его лицу, наноситъ ему много ударовъ кулакомъ руки, свободной отъ кровопусканія, и даетъ ему пинки ногами. Когда же гнѣвъ его потомъ прошелъ, тою же рукою, которою билъ, онъ приложилъ, всегда пріятный для москвитянъ, пластырь къ опухшимъ отъ ударовъ мѣстамъ, т. е. подарки, и одарилъ его щедро“ *).

Въ 1648 году заболѣла, въ февралѣ, царица Марья Ильинишна кровавымъ поносомъ; до насъ дошли и лѣкарства и тотъ режимъ, которые были ей предписаны **).

Царь Алексѣй Михайловичъ, отличавшійся значительной тучностью и страдавшій порою желудкомъ, расхворался въ январѣ 1665 г. До насъ дошелъ „переводъ съ ла-

*) Барона Мейерберга путешествіе. „Чтен. Имп. общ. ист. и росс. древн.“, 1873, III, 55.

**) „Матеріалы“, № 591.

тинскаго письма", которое подалъ „Самойло Каллинсъ" царю 20 января.

„По Гиппократову разумѣнію тонкихъ природъ человѣцы, не толико склонни суть къ болѣзнемъ якоже людіе густыхъ и тучныхъ сліяній, и самая убо тучность за недугъ принятися можетъ, которая есть сугуба, здравая и болѣзненная. Здравая яже естественныхъ и подобающихъ умѣреній не переходитъ, не точію тучности и расположенію чювства, и тѣлѣсе ко укрѣпленію взимается.

„Болѣзненная, яже отъ дѣйствія тѣлесе повреждаетъ, къ праздвости принуждаетъ и сонною тяжестію чювства и движенія творитъ примрачны.

„Сего растворенія дѣйствія суть одышки, тоски, ослабленіе очесъ, тяжесть, главоболѣніе, насморки, ударъ, водяная болѣзнь, спячки, по расположенію вещества къ стеченію.

„Пзвлеченіе или паче предохраненіе состоится по умѣреніи яденія и питія во обученіи и лекарствѣ". „Что умѣренія касается, долженствуетъ быти тонкое, ужинъ обѣда скупѣйшій и не вельми нужно хотя бъ и не ужинать, вѣдущу стомаху молчаніе естли пищи не желаются, и да не принущаются. Множихъ излишество нежели мѣрно яденіе погубляти обыче. Не пользуютъ на трапезахъ молочныя и жаткія яди, запе мокротны суть, и не зело здравитъ ѣствъ многоразличіе со своими составовъ возжизаньмп, вредитъ пиво новое и которое не устоялось, да будетъ медъ свѣтлый и тонкій и не кислый. Свинина повреждаетъ. Пользуетъ мясо говяжье свѣжее, естли вареное, чтобъ безъ чесноку и соли множества, а когда жарить, прежде да покропится солью. Но лучшаго сока есть мясо баранье и агнчее. Также здорово есть рябчики, курятка, молодые журавлики, утки дикіе, тетеревы, пелепелки,

молодые тетеревки и лебедки. А рыбы, понеже стюдѣнейшаго суть растворенія, жестоко подаютъ телѣси питаніе, которые на каменныхъ мѣстахъ въ рѣкахъ водворяются лучше суть и легче да будутъ бѣлуги и того-жъ дечина отъ малосоленія растлѣвающіеся, и непріятный запахъ испущающіе. Но что реку, обычай другая есть природа горькая творитъ сладкая, не пріемная пріемна.

Да будетъ хлѣбъ пшеничный въ ближней нощи печеный. А сухари много отончеваютъ. Изрядное ко отонченію приспособляетъ вареное кафе, персянемъ и туркомъ знаемое и обычайное послѣ обѣдѣ, вареное чаге листу ханского но свѣжа изрядное есть лекарство противъ надменій, наемарковъ и главоболѣній.

Обученія.

Движеніе по Аристотелю есть вина теплоты. Воды родниковъ и рѣкъ текущихъ здравѣйшіе нещуются. Блѣдѣютъ узо и изсыхаютъ

тюремные сидѣльцы, свободнаго бо воздуха и обученія лишаются. Видимъ по вся дни птицы что опи плѣжущихъ животнѣйшіи суть и здравѣйшіи, убо вспомогаютъ частыя обученія яко на кони ѣзженіе, происхожденіе теченіе и ловленіе, сонъ полуполуденный умѣренный или ни единъ, а и ночью опочивать чтобъ не больши 7-ми часовъ.

Лѣкарства.

Могутъ оная противу мокротная, яже мокроту изсучаютъ, и рожденіе ея возбраняютъ единою или дважды въ коемъ либо мѣсяцѣ пріята. Къ симъ потливая по аглински состроенная, яже древечекъ и травъ мочи изъ сосуда антекарского низу положеннаго и поставленнаго чрезъ трубочку препущаютъ къ великому страждущаго пользованію и утѣшенію не меньши вспособляетъ къ соблюденію здравія..... належащая лекарства, которые мокроты песочные утишаютъ, яже впрямъ терпящимъ насморкъ и водяный трудъ изрядна.

Къ сему обычаю належитъ пиво опелыненое съ кохлеаріею и хрѣномъ строеное, квасъ яблочной съ семенемъ горчицы..... Вся яже о тучности истонченія.... рѣченія леченію насморку водяново..... и спячки предхраненію изрядно помогаютъ ане и удару.

Еще у меня есть лекарство отъ дохтуровъ нашихъ гораздо похвальное и искушенное, которое доселе впрямое употребленіе и искуство привесть не могохъ. Потому что ни едино или неизвѣстно, всегда бѣ обиталище оскудѣвающю повседневному хлѣбу, и впрямъ вскорѣ..... издержавъ гладомъ мнѣхъ истаявати.

Генваря въ 20-й день 1665-го на Москвѣ.

Не многая глаголемъ по живуще разсуждаемъ послѣдствующая *).

Имѣется не менѣе интересное и другое письмо доктора Самуила

*) „Матеріалы", № 1055.

Колинса. — Это отвѣтъ его касательно травы валеріаны. Онъ перечисляетъ всѣ болѣзни, при которыхъ она „пристойна“, при этомъ приводится цитата изъ русскаго травника, глава 520, гдѣ сказано, что о валеріанѣ „глаголетъ Сераніонъ, нѣмцы, Плиніусъ, Павликъ (Павелъ Эгинскій) и врачеве“. Далѣе идетъ рѣчь въ такомъ же родѣ о травѣ „Лапушниковы корень“ *).

Въ январѣ 1676 года царь Алексѣй Михайловичъ почувствовалъ упадокъ силъ. 28 января онъ благословилъ на царство сына Осодора, сдѣлалъ другія семейныя распоряженія, приказалъ выпустить изъ тюремъ всѣхъ узниковъ, освободить изъ ссылки всѣхъ сосланныхъ, простить всѣ казенные долги и заплатить за тѣхъ, которые содержались за частные долги, причастился св. Таинъ, соборовался и спокойно ожидалъ кончины. На другой день, 29 января, въ 9

*) „Матеріалы“, № 1057.

часовъ вечера, три удара въ колоколъ Успенскаго собора возвѣстили народи о смерти „тишайшаго царя“. Онъ скончался на 47 г. жизни.

XV.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ унаслѣдовалъ престолъ, когда ему не было еще 15 лѣтъ; при томъ онъ былъ такъ слабъ здоровьемъ, ноги его такъ распухли, что не могъ даже итти за гробомъ отца: его несли. 14-го февраля 1676 года, по царскому указу, „боярин князь Никита Ивановичъ Одоевской въ аптекарскомъ приказѣ доктуровъ, и медицину и аптекаря допрашивалъ. Великій государь царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, скорбитъ ножками и ихъ доктуровъ, и медицину, и аптекаря указалъ допросить: у всѣхъ ли у нихъ межъ себя совѣтъ

и любовь и нѣтъ-ли межъ ихъ какова несогласія.

„И доктуры: Яганъ Розенбурхъ, Стефанъ Фангудановъ, Лаврентей Блюментростъ, медицина Симонъ Зомеръ, аптекарь крестьянъ Эглеръ сказали: между де ихъ никакова несогласія и недружбы нѣтъ и имѣютъ межъ себя любовь. А какъ де ево государскую болѣзнь они осмотрятъ и о лекарстве межъ себя учнутъ они совѣтовать, какъ пристойнее и лутче....

И 184 февраля въ 15 день великій государь царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, все великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ, указалъ своимъ государевымъ дохтуромъ видѣть свои государскіе очи въ своихъ царскихъ харомехъ.

И того жъ числа по его великаво государя указу, при великомъ господинѣ святѣйшемъ Іоакиме, патріархе московскомъ и всеа Русіи, и при комнатныхъ его царскаго величества боярехъ доктуры

и медикусъ и антекари ево государскіе очи видѣли и ево государской болѣзни смотрѣли.

1. А смотря докторъ Яганъ Костеріусъ (Розенбургъ) сказалъ, что ево государская болѣзнь не отъ внѣшняго случая и ни отъ какой порчи, но отъ ево царскаго величества природы, а имянно та болѣзнь цынга. А та де цынга была отца ево государева, блаженные памяти, великаго государя его царскаго величества въ персонѣ и надобно де ему великому государъ внутрь давать лекарства противо цынги легкіе, которые въ настоящемъ зимнемъ времяни пристойно примать, а не проносные и не тяжкіе. А какъ де дасть Богъ будетъ вешнее время и въ то время способнѣй и тѣло пристойнѣй ему, великому государю, лекарства противъ той болѣзни примать, потому что въ то время травы изъ земли проникаютъ, и кореніи прозябаютъ, и лутчую мочь имѣютъ. А ношки де ево государскіе надобно мазать

мазью, которую нынѣ дѣлаютъ въ аптекѣ, и сверхъ мази прикладывать пластырь и сверхъ де того надобно написать образецъ, по которому его царское величество изволилъ бы свое государское кушанье и питье употреблять. А воды его государской смотря, сказалъ, что вода тонка и противнаго знаку въ себѣ не имѣетъ, и знакъ со облачкомъ значитъ хотящаго быть его государскаго къ кушанью хотѣнья, а жару чрезестественнаго не значитъ.

2. Докторъ Лаврентей Блюментростъ, смотря сво государской болѣзни, сказалъ тѣжъ рѣчи, что и Костеріусъ (Розенбурхъ), и прибавилъ: ту де ево государскую болѣзнь мочно за Божіею помощію вылечить полько исподоволь, а не скорымъ временемъ.

3. Докторъ Степанъ (фонъ Гаденъ) сказалъ тѣжъ рѣчи, что и вышеименованные доктеры и прибавилъ: надобно де ему великому Государю сидѣть въ сухой ваннѣ,

а вода де ево государская знаменуетъ, что милостію Божіею вся ево государская утроба здорова и никакой въ почкахъ болѣзни не имѣется, ни въ печени, и желчь имѣется въ доброй свободѣ. А въ составехъ ево государскихъ и жилахъ есть безсиліе и то отъ того, что цынжная крове съ соляною мокротою отъ той соли летитъ въ составы и сушитъ жилы, и та соль чинитъ воскипеніе крове и до зубовъ восходитъ. И какъ прямымъ лекарствомъ не лечитъ, та болѣзнь плодится, а какъ лечить, болѣзнь умаляется, а въ скоромъ времяни нельзя излечить, что бъ ево государя не обезсилитъ.

4. Докторъ Михайло (Граматъ?) сказалъ, что онъ совершенно ево государской болѣзни выразумѣть не можетъ а мнитъ быть цынгу и надобно де лечить лекарства внутренними и наружными.

5. Медицина (хирургъ) Симонъ Зомеръ сказалъ о цынгѣ тожъ, а какъ де ту ево государскую бо-

лѣзнь лечить внутренними и наружными лекарствами, посовѣтуетъ онъ о томъ съ дохтурами довольно съ великимъ радѣньемъ.

6. Аптекарь Ягань Гуттеръ Менсхъ (Гутменшъ) сказалъ: болѣзнь де ево государская цынга, а надобно де первое лечить тѣ части ево государской персоны, откуду та болѣзнь произошла, то есть печень, стомахъ (желудокъ) и селезенку, и хотѣнье къ купанью направить. А лечить внутренними и наружными лекарствы, а какъ де то чинить съ радѣньемъ, чаять милости Божьей совершеннаго облегченья.

7. Аптекарь Христіянъ Еглеръ сказалъ тѣжъ рѣчи и хотя де и не належитъ на ево чинѣ лекарство объявлять такой превысокой персонѣ, однако жъ онъ, служа его царскому величеству и совѣтуя о томъ съ докторами, по ихъ совѣту, про его царскаго величества здоровья употребленье лекарство со

всѣмъ радѣньемъ готовить желаетъ" *).

Царь все время болѣлъ, чаще всего онъ пользовался совѣтами Зомера, Гутменша и фонъ-Гадена; рецепты ихъ дошли до насъ **). 27 апрѣля 1682 года, на 21 году жизни, скончался Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Въ тотъ же день, какъ видно изъ дѣлъ аптекарскаго приказа, „дьякъ Андрѣй Виніусъ да дохтуръ Степанъ Оунгадановъ Великому Государю Царю и Великому Князю Петру Алексѣевичю всеа Великія и Малыя и бѣлыя Росіи Самодержцу крестъ цѣловали въ Верху (Дворцѣ).

„А подьячіе..... Великому Государю крестъ цѣловалижъ въ передней.

„А доктуры, аптекари, алхимисты, лѣкари иноземцы, кромы докторовъ (болныхъ) — крестъ цѣловали въ аптекарскомъ приказѣ въ

*) Замысловскій, Е. „Царствованіе Ѳедора Алексѣевича" Спб. 1871, приложеніе I.

**) „Матеріали", № 1680.

пятомъ часу ночи—передъ боярином̀ъ и дворецкимъ передъ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ да передъ дьякомъ Андрѣемъ Виніюсомъ. А вышеописанные доктуры (больные) передъ дьякомъ Андрѣемъ Виніюсомъ.

„А къ вѣрѣ приводилъ всѣхъ вышеописанныхъ иноземцовъ Люторскіе вѣры пасторъ Петръ Ранъ“.

„А русскіе лѣкари и ученики крестъ цѣловали въ соборной церкви и у Стрѣтенья и у Рожества Богородицы — что у Великаго Государя на сѣняхъ“ *).

Во время стрѣлецкаго бунта былъ пущенъ слухъ, что царя Ѳеодора Алексѣевича доктора отравили, что Гаденъ поднесъ царю яблоко, наполненное ядомъ. 16 мая стрѣльцы бросились искать Гадена, и такъ какъ нигдѣ не могли найти его, то въ досадѣ убили его помощника, Гутменша, и 22-лѣтняго сына Гадена; та же участь грозила

*) „Матеріалы“, № 1677.

и женѣ Гадена, но царица Марѳа Матвѣевна выпросила ей жизнь. 17 мая поймали Гадена, который, заслышавъ бѣду, успѣлъ-было въ нищенскомъ платьѣ уйти изъ нѣмецкой слободы; двое сутокъ прятался онъ въ Марьиной рощѣ и окрестныхъ мѣстахъ; голодъ заставилъ его возвратиться въ нѣмецкую слободу, гдѣ онъ надѣялся пріютиться у одного знакомаго и поѣсть чего-нибудь, но на улицѣ былъ узнанъ, схваченъ и приведенъ во дворецъ. Здѣсь царевна и царица Марѳа Матвѣевна умоляли стрѣльцовъ пощадить доктора, увѣряли, что онъ совершенно невиненъ въ смерти царя Ѳеодора, что онъ въ ихъ глазахъ самъ прежде отвѣдывалъ всѣ лѣкарства, которыя составлялъ для больного государя —все попапрасну: стрѣльцы кричали: „это не одно только, что онъ уморилъ царя Ѳеодора Алексѣевича, онъ чернокнижникъ, мы въ его домѣ нашли сушеныхъ змѣй, и за это надобно его казнить смертію“.

Гаденъ находился въ ужасномъ положеніи, на немъ лежали тяжкія обвиненія относительно посяганій на здоровье государево, и его потащили въ константиновскій застѣнокъ на пытку. Стрѣльцы пытали, стрѣлецъ записывалъ пыточныя рѣчи. Гаденъ не вытерпѣлъ мукъ, наговорилъ на себя разныя разности, сталъ просить, чтобъ дали ему три дня сроку, и опъ укажетъ тѣхъ, которые больше его достойны смерти. „Долго ждать!“ закричали стрѣльцы, разорвали записку съ пыточными рѣчами, потащили Гадена на Красную площадь и тамъ разрубили на мелкія части *). Кровью было запечатлѣно появленіе перваго лейбъ-медика въ Москвѣ, кровью же послѣдняго лейбъ-медика было ознаменовано окончаніе московской Руси стараго склада.

— ——

*) См. Костомаровъ, Соловьевъ

Съ воцареніемъ Петра I, великаго преобразователя земли русской, рядъ его благотворныхъ реформъ коснулся не только придворной медицины, но и всего врачебнаго сословія и врачебнаго дѣла. И врачебное дѣло, занесенное, въ видѣ нѣжнаго ростка, въ московскую Русь Софьей Палеологъ, взлелѣянное Рюриковичами, несмотря ни на какія невзгоды, почти что при тепличной обстановкѣ, такъ какъ оно было чуждо нашему народу, подъ могучей и просвѣщенной эгидой Романовыхъ, вполнѣ акклиматизировалось, превратилось въ сильное, широковѣтвистое плодоносное дерево, пустившее глубокіе и прочные корни въ народную жизнь. Принесло это дерево уже не мало плодовъ, а оно все себѣ зеленѣетъ и покрывается все новыми и новыми плодами; ростъ его и плодородіе обезпечены на вѣки. Ему не повредятъ ни тѣ событія, которыми народъ ознаменовалъ въ послѣднее время эпидеміи дифте-

рита, холеры и чумы, ни то, что наше культурное общество все еще продолжаетъ искать исцѣленія у гомеопатовъ, у Маттеи, у Вревскаго, у разныхъ знахарей и бабокъ. Все это „культурныя переживанія“, какъ и вѣра во всеисцѣляющую силу, вмѣсто „мироговой кости“, виталина, спермина, какъ серьезное повтореніе старинной остроты древне-греческаго комика, которую готовы написать ни могилѣ каждаго умершаго: „погибъ отъ такого-то врача!“

Въ средніе вѣка вѣрили въ гороскопъ, вѣрили въ то, что жизнь и здоровье человѣка находятся въ зависимости отъ соотношенія небесныхъ свѣтилъ, связаны съ опредѣленной звѣздой. Естественно-историческія науки, а среди нихъ и медицина, вѣковыми трудами тысячи своихъ тружениковъ, разрушили это мистическое заблужденіе, но, при всей доказательности и очевидности, не могли заставить вѣрить интеллигентную массу въ то,

что стало ходячей истиной, что жизнь и здоровье человѣка имѣютъ, въ самомъ дѣлѣ, свой гороскопъ, но что его должно устанавливать не по созвѣздіямъ безпредѣльнаго небосклона, а сообразуясь съ законами наслѣдственности, условіями соціально-экономической жизни, характеромъ дѣятельности человѣка... Когда сравнишь вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій, то, при всей вѣрѣ въ историческій законъ поступательнаго движенія человѣчества, закрадывается подозрѣніе, не толчемся ли мы порою въ заколдованномъ кругу, повторяя зады давно позабытаго прошлаго. Sapienti sat!

Поступили въ продажу слѣдующія изданія:

Германъ. Врачебное сословіе древняго Рима. Культурно-историческій очеркъ. Харьковъ. 1894 г. Ц. 50 коп.

Д-ръ M. Heitler (доцентъ вѣнскаго университета). О показаніяхъ къ хирургическому вмѣшательству при внутреннихъ болѣзняхъ. Пер. съ нѣмецкаго съ добавленіями Ф. Л. Германа и Н. П. Тринклера, подъ редакціею проф. В. Ф. Грубе. Харьковъ. 1887 г. Ц. 75 коп.

Ф. Л. Германъ. „Врачебный бытъ до-Петровской Руси". Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Харьковъ. 1891 г. Ц. 75 коп.

Проф. А. Х. Кузнецовъ и Ф. Л. Германъ. Influenza. Историко-клиническій очеркъ. Харьковъ. 1892 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Ф. Л. Германъ. „Теодрастъ Ренодо". Историко-біографическій очеркъ. Харьковъ. 1893 г. Ц. 25 к.

ЦѢНА 40 КОП.

2007111625